

Матъяна Амелъницкая
Двое - не один,
спуску не дадим

Татьяна Хмельницкая

Двое – не один, спуску не дадим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41830987

ISBN 9785449644466

Аннотация

Смерть любимого человека и невозможность вести полноценное расследование его гибели – это боль, загнавшая меня в скорлупу одиночества. Но вскоре моя жизнь изменилась: в ней появился напарник – парень из будущего, а с ним и вероятность поймать убийцу. Новые сослуживцы и бодрящие условия существования в рамках «Космос – Земля» – фон для расследования. Такой же, как и возникшая угроза для моей жизни, и странное дело о гибели шпионов. Но такие мелочи меня не остановят.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	32
Глава 3	54
Глава 4	77
Глава 5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Двое – не один, спуску не дадим

Татьяна Хмельницкая

*Да, верю я глазам твоим, влекущим
Меня к Звезде, как верю я в Звезду.
Я отплачу тебе своим грядущим
И за собой в бессмертие введу!*

Игорь Северянин, «Призрак» (1909год)

Дизайнер обложки Татьяна Хмельницкая

© Татьяна Хмельницкая, 2019

© Татьяна Хмельницкая, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-4446-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Семь лет назад

Мужчина среднего возраста в светлом летнем костюме, сменил отошедшего пассажира у стойки регистрации. Одной рукой, на которой виднелось яркое родимое пятно в виде бабочки, он сжимал ручку кожаного небольшого саквояжа, а другой – посадочный талон на шаттл.

Поставив поклажу на специальную подставку у тумбы, мужчина протянул билет служащей аэропорта и, немного заикаясь, произнёс:

– Шаттл до С-серебряного бора. С-се-егодня чудесная погода для п-полётов. Надеюсь, п-прилетим точно по расписанию?

Он провёл рукой по волосам с проседью, поправляя упавшую на лоб чёлку. Затем одёрнул рукав пиджака, прикрывая родимое пятно.

Девушка в форменной одежде ответила дежурной улыбкой на приветливый тон мужчины:

– Иван Покровский? Одну секундочку, я только сравню номер рейса с номером в вашем посадочном талоне и отмечу, что вы прошли регистрацию. Придётся немного подождать.

– Конечно, – кивнул пассажир.

Объявили прибытие очередного шаттла из южных широт – направление одно из самых загруженных. Пока Покровский стоял в очереди на регистрацию, объявили уже о третьем запросившем приземление корабле.

Девушка провела в воздухе пальчиком в тонких резиновых перчатках, через которые просвечивал яркий маникюр. За её спиной образовалось виртуальное полотно с огромным списком ближайших рейсов, а под подушечками пальцев в воздухе завис отпечаток виртуальной номерной клавиатуры. Работница аэропорта ударила по призрачным цифрам, и в полупрозрачной, туманной строке высветился рейс под номером сто семьдесят три. Ещё одно движение – отобразился список пассажиров сбоку от стойки, где около символического наименования для богатых клиентов проступила фамилия с инициалами: «Покровский И. И.»

Мужчина осмотрелся. Спокойный взгляд светло-зелёных глаз поочерёдно остановился на каждом, кто стоял в толпе. Затем он уронил взор себе под ноги, нахмурился, о чём-то размышляя. Именно таким застал пассажира вопрос девушки за стойкой:

– Назовите, пожалуйста, цель поездки. Ваш ответ будет записан в аудиофайл и прикреплён к данным в базе пассажиров.

Мужчина в летнем костюме дёрнулся, словно его толкнули. Глаза впелись в миленькое личико служащей. Наконец, смекнув: о чём был вопрос, пассажир улыбнулся, и глубокая

морщинка между бровей разгладилась. Слегка заикаясь, он ответил:

– П-посещение н-научного форума.

– Занесла в базу данных, – отрапортовала спустя пару секунд девушка, а на виртуальном полотне напротив фамилии пассажира появилась надпись: «Деловая поездка», и расшифровка озвученная мужчиной. – Прошу вас пройти в зал ожидания. Вылет состоится точно по расписанию.

– Через сорок п-пять минут, зн-начит, – кивнул незнакомец и подхватил свою поклажу. – Хорошо. Будет в-время выпить к-кофе.

– Напоминаю вам, что билет, приобретённый вами в компании «Воздушные орлы» предполагает сумму в размере ста кредитов, зачисленную на цифровой код билета. Использовать бонус можно на всей территории зала ожидания, в любом ресторане, баре или ином заведении. Вам следует лишь предъявить ваш билет. Это удобно. Компания «Воздушные орлы» заботится о комфорте пассажиров. Добро пожаловать на борт.

Пройдя в зал ожидания, Покровский направился в кафетерий, уселся за маленький круглый столик, закинул ногу на ногу и, впервые за весь сегодняшний день, по-настоящему весело улыбнулся. Он усмехался над роботом-официантом, подрулившим к нему. Веселился, когда ему привезли кофе и шоколад.

Расплатившись, клиент не торопился пить из фарфоро-

вой, изящной кофейной пары, а рассматривал людей, проходивших мимо огромных витрин заведения.

Мужчины, женщины, дети, старики – они все переживут его, останутся в этом мире ещё на какой-то срок, а его жизненный путь скоро оборвётся. Но Покровский не сожалел о том, что истекали его последние минуты, и о том, что он тратил их на чашку кофе и шоколад, когда мог бы попытаться спастись. Нет – он не беспокоился о таких пустяках. Он знал многое, даже дату и время своей смерти, но главное знание, которое он намеревался передать, сейчас лежало в столе его душеприказчика.

Покровский протянул руку, ухватил тонкую чашку за ручку и отпил терпкий напиток. Кофе было отравленным – факт. В пользу яда говорило и время гибели – до шаттла мужчине не дойти, ведь отправка корабля состоится только через полчаса.

Седовласый пассажир понимал, что так и останется сидеть в кафетерии, развёрнутым лицом к витринам, наблюдая за людьми, пока не настанет момент его последнего вздоха. Но думать мужчина будет не о смерти, а о белом листе бумаги, сложенном пополам и засунутом в плотный конверт. На нём начертано ровным беглым почерком лишь имя-па-линдом, того единственного человека, кто положит начало будущему, в которое Покровский заглянул однажды.

Через полчаса объявили посадку на шаттл, следующий по маршруту до Серебряного бора. Спустя пятнадцать ми-

нут по громкой связи объявили имя пассажира, не явившегося на борт.

Прошёл час. Кафетерий заполнили полицейские, а там уже работала бригада врачей, зарегистрировавших смерть пассажира. На следующие сутки дело было передано в особый отдел Сыска Ордена стеклодувов.

Глава 1

Я вдохнула сырой воздух и поменяла позу. Кресло жалобно скрипнуло подо мной, а Вещий, что сидел напротив, даже не шелохнулся и продолжал молчать. Ладно, у нас в допросе образовалась передышка – и на том спасибо. Какая она по счёту назвать затруднялась. Я-то знала, что цикл скоро возобновится и пойдёт по кругу.

Мерзко пахло сыростью. Гарь от дымящих факелов раздирала горло. На каменных стенах подземелья играли тени. Они снова разыгрывали пантомиму, как делали это тысячелетия лет подряд, повторяя за живыми их движения. Только сегодня театральная постановка вышла скучной. Виной тому два глубоко меланхолических существа – я и Вещий.

В подземную обитель Ордена меня доставили три часа назад парни из оперативного отряда Сыска Ордена. Усадили в деревянное кресло посередине просторного, каменного мешка и оставили для разговора с Вещими рыцарями.

До прилёта сюда всё шло в штатном режиме и увязывалось с пунктами Положения о чрезвычайных ситуациях. К инструкции давненько не прибегали – чай лет сто, может больше. Я стала первой, нарушившей привычный уклад.

Великий Абсолют! Прошло, по моим меркам, всего пять часов, а жизнь перевернулась с ног на голову и замерла в таком положении. Вернусь я к обычному порядку вещей, или

нет, теперь всецело зависело от рыцаря – дознавателя.

Пять часов назад началась совместная с оперативниками Сыска операция. Она обещала быть стандартной: отследили пси-импульс преступника, сообщили точные координаты его местоположения. Если потребуется, то нам полагалось создать при помощи усилителей частот гипнотическую Матрицу и втянули в неё сознание человека, которого собирались задержать опера.

Нон, как и велено правилами, примкнул к оперативному отряду и оставался с ними, сообщая о душевном состоянии объекта. Я же работала внутри пси-капсулы, подстраи-вая частоты усилителей и проверяя новые вспышки энергетических возмущений.

Из нашей пары телепатов, доминантой была я, Нон – пропускал через себя посылаемые мной импульсы и подстраивал дистанционную аппаратуру, носимую на себе, под нужный режим. К тому же, в его задачу, как ведомого дуала, входила телепатическая передача визуальных образов и ощущений мне, чтобы я могла быстрее реагировать на любые изменения во время рейда.

А потом случилось то, что я объяснить не в состоянии, даже сейчас, спустя три часа допросов. Помню только, как меня вытащили из капсулы для усиления телепатического радиуса, а затем – провал.

Очнулась я в медицинском отсеке Центра управления Сыска. В комнату набилось много людей. Первый вопрос

мой: «Что случилось?» На него ответил старший аналитик нашей бригады, сообщив, о гибели Нона, и что мне следует собраться с мыслями перед осмотром медработника.

Спасибо оперативникам, дежурившим в Центре, за подаренные сорок пять минут, которые я провела в кабинете медпункта, после осмотра врача. Мне требовалось время, чтобы переварить весть о гибели дуала перед отправкой на допрос в Обитель Ордена.

Потерять напарника – врагу не пожелаешь! Объяснить причины провала задания – и подавно. Мне придётся поднапрячься, чтобы растолковать то, что стряслось во время телепатического сеанса не только рыцарям, но и самой себе.

По негласным правилам Ордена стеклодувов мне следовало принять факт ментального сиротства – пройти душевную перезагрузку через осознание утраты ведомого телепата. Если бы я не нашла в себе силы одолеть проблему самостоятельно, то спустя, отведённые Положением, сорок пять минут мне бы помогли врачи. А сего допускать не собиралась – каждое мгновение по дороге в Орден, я могла бы оставаться в металльном Модо, надеясь на связь с Ноном.

Да, я отказывалась верить, что напарник мёртв! Я чувствовала нечто другое, что объяснить не в состоянии. Потому в сердце оставалась надежда. Категоричность заявлений старшего аналитика не в счёт. Ведь бывают же чудеса на свете? Бывают! Главное – верить.

Лал Чемеч – второй бригадир отряда оперов, сокуим – пе-

ред тем, как покинуть кабинет медпункта и оставить меня одну, крепко сжал моё плечо. Он выражал сочувствие – я его приняла. Нон однажды спас Чемечу жизнь – такое не забывается.

Опера надеялись, что я справлюсь: приму решение, уясню. Я их не разочаровала. Хотя в тот момент именно с размышлениями у меня случилась напряжёнка. Я просто сорок пять минут сидела в медицинском кресле и смотрела перед собой на безупречно белые стены из плитки, отражающие яркий свет. Я стараясь нащупать Нона в ментальном Модо, но натыкалась всё время на что-то необычное, непонятное.

Вдруг возник резкий пси-импульс, называемый телепатями зовом дуала. Он существовал краткий миг, растворился – исчез, оставив странное ощущение ожидания нового контакта.

Отведённое время вышло, дверь распахнулась, и кабинет медпункта снова заполнили бойцы во главе с Лалом. Высокий, спортивный, темноволосый – он грозно смотрелся на фоне стерильного цвета стен и строя своих ребят. Второй бригадир подошёл ко мне и приказал подняться, назвать своё имя. Глядя в его серые глаза я отрапортовала точно по инструкции.

Лал Чемеч лично ревизовал меня через «Империум» – прибор для проверки телепатического состояния ментально-го доминанты. Лал не сдал меня, увидев зашкалившие показания, а лишь поймав мой взгляд, едва заметно кивнул.

Вслух для протокола он бросил, что мол всё чисто и замечаний нет. Далее – следовала отправка на допрос в Обитель Ордена.

Остановившись на крыльце входа, я подняла глаза к небу. Мне было больно смотреть перед собой, и ещё большее себе под ноги. Проблема была в них – в телепатах. Возле Центра управления Ордена собрались все, кто не был задействован на тот момент в рейдах. Они выстроились в две шеренги, образовав коридор, и опустили головы – так принято у нас сострадать утрате.

Солнце, словно взбесилось, заливая палящим маревом землю. И я смотрела на голубую краску неба, на котором нет ни облачка. На верхушки деревьев, растущих плотной стеной вокруг здания, и отделяющие Центр от остального мира. Это помогло собраться с силами, чтобы пройти через строй.

М-да-а. Длинный день сегодня вышел. Слишком долгий для утраты. И почему нельзя осознав, что больше нет дорогого для тебя человека, просто заснуть пока боль не утихнет?

Двигаясь в сопровождении ребят из оперативного отряда, я принимала соболезнования от всех и каждого. Старалась держаться – не сломаться под грузом сострадания.

«Каррак» – шаттл оперов, – гудя моторами, медленно оторвался от земли и устремился в сторону океана, а у меня перед глазами продолжала стоять картинка с низко опущенными головами телепатов.

Лал Чемеч сидел рядом. Мочал. Он понимал, что происходило со мной, потому настоял на личном сопровождении меня в полёте, и контроле показаний «Империаума». Но за весь путь, что мы проделали, Лал так и не включил прибор – из головы называл цифры для протокола.

И вот дознание состоялось. Поначалу меня допрашивали трое Вещих братьев, теперь – остался один. Капюшон чёрного плаща мужчины, прикрывал половину его лица. С моего места, хорошо видны только гладкий подбородок и губы – жёсткие, упрямые, тонкие. Шея и плечи, будто провалились в складки ткани. Понять какого возраста рыцарь затруднительно – можно только гадать. Ну, или помечтать. Жаль только место не располагало к буйству воображения, а напротив – давило, отбирало и без того малые силы.

У Вещих рыцарей своя иерархия, которая строго соблюдалась: от младших чинов к старшим. Последние – входили в Круг Семи рыцарей. Может и правильно, что вершителей судеб целого мира так мало и никто не видит их лиц – кто знает.

Помню, однажды сопровождала важного Вещего на заседание Круга. На тот момент я впервые вошла в Обитель, где находился Стол для совета. Конечно, открыла рот от удивления. Но больше всего меня поразил, высеченный у основания купола Обители один из главных заветов Ордена стеклодувов. Надпись гласила: *«Знание для избранных, остальным – вера»*. Эта же фраза повторялась в древней мозаике

пола.

М-да. Для посвящённых, к коим относились я и Нон, попасть в главное хранилище тайн сродни обретению клада. Помню, стоя под сводами Круглого стола, я не могла оторвать глаз от фресок на стенах, статуй мужчин и женщин, облачённых в доспехи. Я пыталась надышаться холодным, пещерным воздухом «сердца» Ордена.

В тот день, но чуть позже, я рассказала Нону, о визите в святая-святых, а он лишь плечами пожал и перевёл разговор на другую тему. Пришлось и мне закончить с восторгами и погрузиться в очередное расследование.

Мы с Ноном служили в аналитическом отделе Сыска Ордена наряду с послушниками. Посвящённые и послушники различались между собой лишь степенью допуска к документам братства.

Посвящённые с рождения считались частью системы. Откровенно говоря, не в курсе, по какому принципу карапузы отбирались для принятия рыцарства, но у каждого из чад оказывались либо дуальные способности, либо дар к улавливанию пси-энергией и гипнозу. Нас забирали у родителей с пелёнок. Давали образование, развивали таланты, помогали обжиться в суетном мире. Каждый из посвящённых с момента инициации приходился другим братом или сестрой.

Послушниками же, становились завербованные Орденом люди, порой уже состоявшиеся в жизни. Единило их одно: им всем в разное время помог Круг Семи, даровав блага или

власть. Теперь эти ребята, отдавали вечный долг Ордену.

Впрочем, суть дела не менялась – мы все служили семи главным Вещим рыцарям.

– Вы выходили на связь с дуалом после прерывания телепатического сеанса? – голос Вещего прозвучал глухо, отразился от стен и устремился ко мне.

– Да, – прошелестела я, и поёжилась. – Безуспешно. Мне хватило отведённого правилами времени понять тщетность попыток.

Стоп! Нельзя давать слабину даже перед Вещими.

Объяснить, что чувствовала на самом деле трудно, почти невозможно, да и стоило ли вдаваться в подробности и подставлять Лала? Ради чего? С моей стороны это – не теплящаяся надежда на чудо, а уверенность. Да, в какой-то момент мне показалось, что я потеряла напарника, но затем, я пережила новый контакт. Правда, произошло сие как-то иначе – необычно.

– Как быстро вы попытались восстановить связь после её прерывания?

– Сразу, – губы высохли от волнения, и я облизнула их.

Всё нормально. Всё по плану. Нарушений Положения нет. Лал тоже под защитой.

– Удалось? – едва шевеля губами, спросил рыцарь.

– Нет.

Кто бы мог подумать, но отвечая в миллионный раз за прошедшие три часа на этот вопрос, я продолжала волно-

ваться.

Воцарилась пауза. Я вглядывалась в сидящего напротив меня мужчину, скрывающего своё лицо под капюшоном, и мне мерещилось, что его жёсткие губы вот-вот разомкнутся, и я получу, пусть и ущербную, но информацию. Я мысленно молила его о снисхождении. Попросила бы и вслух, но не решалась – субординация, будь она неладна!

Чудилось, что воздух наэлектризовался, а факелы стали сильнее трещать, под гнётом темноты и сырости. Мышцы спины нещадно болели. Глаза – слезились. А тишина сводила меня с ума.

Эй, Вещий, нас тут двое – ты и я. Скажи мне. Скажи мне, пожалуйста, правду! Никто не узнает, слышишь?

Острая догадка внезапно озарила меня. Мы действительно уже довольно давно находились с дознавателем один на один, и судя по всему, для меня в этом нет ничего хорошего.

По мере возрастания засекреченности происшествия из троих дознавателей, что занимались мной, остался только этот. Так происходит, когда посвящённого готовят к заточению в Обители Ордена. Дадут какую-то работу в архиве без права выхода в мир.

Неужели следовало готовиться к обету *Silentium**¹ и ждать? Просто ждать – долго, мучительно, без прав и возможностей, пока Вещий, который сидел напротив, не пове-

---

¹ перевод с латыни – Молчание

лит мне снова спуститься в этот подвал и не одарит малой толикой надежды?

Нет. Мне нельзя оставаться в Обители. Я обязана наказать уроды, сотворившего такое с нами. С Ноном. Я готова на всё, ради того, чтобы остаться в деле.

Шмыгнула носом и откинулась на спинку деревянного стула. Он снова скрипнул под тяжестью моего тела. На сей раз звук получился визжащий, будто дерево сетовало на слишком длинную работу в сыром помещении, и на меня – вертлявую и непоседливую.

А под рыцарем стул не изнывал. По-моему, с того момента, как я здесь очутилась, дознаватель и не двигался вовсе. Только его губы складывались в трубочку или поджимались, шевелились, когда он задавал вопрос и получал на него ответ.

Старик. Все Вещи старики.

Или я ошибалась?

Такие собранные гармошкой губы просто не имеют права принадлежать молодому человеку, или мужчине среднего возраста. Только старцу – точка.

М-да. Три часа допросов ни к чему не привели. Уж и не знаю, что из меня ещё можно вытянуть. Я рассказала всё, что помнила, до последней толики. Причём, с каждым новым-старым вопросом уходила моя боль от потери Нона, оставляя вместо себя пустоту. Из неё рождалось упование – хрупкое, трепетное, искусственное. Мои однообразные от-

веты выкорчёвывали из моего существа остроту ощущений, оставляя оголённую лунку на мёртвом поле памяти, сдобренную усталостью.

Чёрствость – итог трёхчасового допроса. А ещё: бездушие и загнанная в глубины сердца боль.

В который раз взглянула в правый угол. Там на дубовом небольшом столе стоял «Кристалл души» – сканер по типу пресловутого и давно забытого «Детектора лжи». Вернее – свежая модификация полиграфа. Новинка шестого поколения, работающая с ещё большим количеством параметров, чем просто человеческая психика и физиология. Нон всегда брал его с собой во время задержаний.

Шипастый полупрозрачный «камень» светился ровным зеленоватым светом, но кончики игл мерцали, словно раскалялись добела. Затем они, будто теряли температуру и приобретали природный цвет.

Красиво. Успокаивает.

Зачем полиграф сюда принесли? Лукавить не собиралась. В моих интересах выложить все обстоятельства произошедшего на задании Вещему.

– Вы чувствуете дуала сейчас? – голос допрашивающего вновь разорвал гнетущую полутьму, и его голова немного дёрнулась, словно бы он посмотрел на меня.

Вопрос рыцаря содержал ответ на мой собственный, чему я несказанно порадовалась. Может Нон жив, просто впал в кому? Потому меня мучали странные ощущения отложен-

ного контакта, словно дверь в наше с ним общее Модо лишь прикрыли, и она может распахнуться в любой момент.

Но что мне отвечать? Проще промолчать – вот и молчала.

– Пси-импульс дуала прерывист? – продолжал настаивать рыцарь. – Непостоянен?

Заело брата. Уже спрашивал. Что он хотел добиться, изменив посыл фразы?

– Нет, – выдохнула я, и слова растворились в сумраке, окружающем мужчину. – Я его не чувствую. Есть просто ощущение будущего контакта.

– Хорошо.

Ого! В сюжете допроса появились новые строчки! Отсебятина со стороны Вещего, или целенаправленное поощрение?

Я закинула ногу на ногу – так сидеть удобнее. Стул снова жалобно скрипнул под моим весом, а я улыбнулась – случайно вышло.

– Каким был ваш последний, устойчивый телепатический контакт? – оглоушил парень в капюшоне новым-старым вопросом. – Опишите.

Опишите! В миллион первый раз сподобьтесь, пожалуйста, Анна, поведайте о вашей дурости! Что за цирк! Или они за перевыполнение плана борются, и пока программу определённое количество раз не прогонят, не посчитают допрос окончанным?

Мысленно выругалась. Размяла губы, облизнула их – пить

хотелось. Говорить мне, так или иначе, придётся – таков устав Ордена. Миссия Вещих: получить ответ на каждый вопрос. А они её исполняют скрупулёзно, вьедливо, соблюдая каждую букву – в этом не стоит сомневаться.

Как всё надоело!

– Воды можно? – спросила я, вглядываясь в то место, где должны быть у мужчины глаза.

А точно Вещие – люди? Сейчас, после трёх часов допросов, мне так не представлялось. Я устала, измотана, потеряна, зла, а этот сидит напротив, как ни в чём не бывало и даже интонацию в голосе не поменял!

Повисла тишина – тягучая, неправдоподобная.

Услышал ли меня незнакомец? Может повторить просьбу?

Неожиданно в пространстве, окружающем меня, что-то неуловимо поменялось. Пламя, источаемое факелами, дёрнулось и потянулось к центру комнаты. Раздался слабый треск, потом – гудение.

– Прошу, – произнёс мужчина.

Из пола, рядом со стулом, на котором сидела, вылез прозрачный куб со стоящим на нём высоким стаканом. Стекланная утварь до краёв была наполнена водой. Обняв пальцами прозрачную ёмкость, я поднесла её к губам и сделала два глотка.

Полегчало. Горло, правда, продолжало саднить от чада факелов, но жизнь как-то сразу наладилась, а мир вокруг

стал приветливее.

– Продолжайте, – бросил рыцарь.

Куда же я денусь и в который-то раз!

– Это была обычная передача телепатических сигналов сквозь тонкую астральную материю Модо. Нон шёл по следу того парня – убийцы. Отслеживал Тонкое тело с помощью «Кристалла души», а я – передвижение Нона по карте Психометрических возмущений. Мы точно знали, что убийца вышел на охоту, вычислили наиболее благоприятные для него места. Мы не сомневались в успехе...

Перевела дух. Когда твердишь одно и то же, а тебя слушают в полном молчании, то, кажется, что ты заперт в четырёх стенах. Как любому узнику остаётся лишь одно: выговариваться в пустоту, чтобы голос отразился от преград и вернулся к тебе.

Стены. Пожалуй, сейчас я разговаривала именно с ними – неживыми, каменными, бесстрастными, холодными, глухими. Стены – Вещие. Вещие – призраки.

Глотнула воды и продолжила:

– Я работала внутри пси-капсулы. Там остался алгоритм действий – воспроизведите его.

– Я слушаю.

«Я слушаю, Анна», – так звучит лучше, дознаватель! Бешишь ты меня, парень. Так бы и лупанула бы по тебе скрипучим стулом! Тьфу!

Собралась и возобновила рассказ:

– Рейд проходил в штатном режиме. Мы контролировали ситуацию на отведённом квадрате. Прочёсывали район. Поля, перехлёсты и эмоциональные вспышки отслеживаемого объекта не превышали установленных нормативов. Убийца был один... Какое-то время...

В сотый раз повествовала и в сотый раз продолжала искать личную ошибку. Так нельзя! Необходимо расслабиться и просто передать информацию – транслировать то, что видела. Но именно это-то и самое сложное – после многих часов допроса слова казались лживыми даже мне.

– В час и две минуты по полудню появилась устойчивая сильная вспышка. Нон передал координаты пси-возмущения на станцию, и я подключилась к работе в полном объёме. Отметила координаты на карте и сравнила уты с параметрами по таблице «Доджита». Возмущение превышало двадцать две единицы. Ввела код подключения красного уровня опасности. Подтвердила разрешение на работу в особом статусе. Надела «Дугу» для усиления телепатической мощи дистанционной аппаратуры, надетой на дуала.

Какого хрена? Зачем я допустила новые подробности в собственный рассказ?

Я оправдывалась перед Вещим?

Что за бред! Три часа прошло, и я уже пыталась обелить себя?

Ладно, попробуем объясняться в прежнем контексте:

– В доме под номером сорок семь по Сапфировой улице

происходили противозаконные деяния. Телепатическая передача между нами с Ноном была устойчивая. Нон транслировал всё, что происходило вокруг, а я продолжала отслеживать частоты пси-возмущений и колебания тонкого тела преступника.

Облизнула губы, собираясь с мыслями. После очередного рассказа уже и мне начинало чудиться, что я забыла что-то важное – память подвела.

Напомним себе: стены – Вещие. Я выговаривалась в пустоту. Тьфу! Лезет в голову какая-то ерунда!

Мотнула головой. Пятернёй провела по волосам, чтобы немного взбодриться. Нескончаемое, повторяющееся однообразие меня достало!словно я находилась в зациклившемся сне. Хоть бы Вещий напротив пошевелился – все же разнообразнее какое-то!

Неожиданно Вещий пошевелился. Край рукава плаща рыцаря сполз и оголил ладонь. Он быстро поправил ткань, но я успела заметить среднего размера метку между большим и указательным пальцами. Она была необычной формы – бабочка.

Или это была тень от света факела?

Чего только не привидится! Даже родинки в виде бабочки! Хотя... Ещё раньше я видела нечто подобное у одного человека. Он умер. Звали его... Дай Бог памяти! Нет. Не помню. Около семи лет прошло – где вспомнить-то? Да и к чему мне сейчас?. Мы с напарником ещё студентами тогда были...

Нон. О, как же я верещала, когда меня вытащили из пси-капсулы! Это выглядело непрофессионально. Нужно было собраться с силами, сделать всё возможное для поиска, задействовать другие резервы, но я... Я точно помешалась в тот момент! Единственное желание, которое пылало внутри меня на тот момент – это преследование слабого гипнотизёра.

Слабого – вот в чём заговздка! Она же – загадка!

Не знаю, откуда взялся случайный гипнотизёр, но он разорвал, созданную нами Матрицу для преступника и нанёс пси-удар. Мы с Ноном приняли его вместе. Мои мышцы в тот момент скрутила судорога. Тело скрючило, язык – забил гортань. Может потому и орала так громко хотела горло освободить?

Ясно одно: я испытала болевой шок – он заблокировал память. Не потому ли допрос длится три часа? Чтобы я могла потянуть за ниточку и передать то, что увидела?

М-да. Не уверена, что способна на это.

Телепаты в Центре вытащили меня из капсулы – это я помню, пусть и слабо. А я всё кричала, кричала...

Потом – задыхалась, не могла произнести ни единого слова. Мне всадили иглу и выдавили всё содержимое шприца с успокоительным в руку. Я ослабла. Дыхание вернулось.

От рыцаря в плаще не укрылось моё состояние и предпочла продолжить:

– Типовой коттедж. Двухэтажный. Группа заняла пози-

ции. «Кристалл души» показывал запредельный уровень. Согласно инструкции я перераспределила телепатический приём и приняла на себя часть пси-нагрузки. Включилась в процесс – сил ведомого дуала могло не хватить на контроль сознания преступника.

Тошнит. Как меня тошнит от собственных откровений!

– Я настроилась на волну правонарушителя, но... Бесплезно. Уровень по шкале «Доджита» вырос ещё на два пункта. В поле гипнотической Матрицы, созданной мной и Нона для нарушителя, оказался гипнотизёр. Слабый. Не зарегистрированный. Я подключила список возможных контактов, запустила сравнительный анализ. Не успела вычислить – неожиданно «Фиртики» для усиления телепатической нагрузки вышли из строя. Я перезапустила процесс.

Эту ошибку я допустила!

– Воспользовалась практикой Направленного воображения. Постаралась визуализировать иллюзию человека, чтобы ведомому дуалу помочь втянуть в гипнотическую Матрицу объект. Задача состояла в том, чтобы вынудить преступника сдаться. Мне показалось правильным транслировать телепатическую иллюзию через Нона. Таким образом, мы бы не отвлекались на присутствие инкогнито со слабыми психическими возможностями.

Перевела дух, и тут же снова взялась за объяснение:

– Включила передатчик, для выявления местоположения инкогнито в пространстве. Хотела его нейтрализовать, пе-

реформатировав часть ментального дуального Модо в гипнотическую Матрицу. Думала, внушить опасность случайному контактёру, чтобы очистить периметр. Воспользовалась рефлекторной связью с Ноном, и все ощущения с места его поисков стали передаваться мне. Вошла в состояние транса, перенаправила поток пси-импульса, и контакт с преступником состоялся, а параллельно я соединила собственное пространственное Модо со случайной Матрицей контактёра...

Я тяжело глотнула – горло опять высохло. Волновалась. Очень. Подошла к моменту исчезновения моего дуала. Моего Нона.

– Что было дальше? – холодный голос рыцаря разбил мои мысли, придавил сомнения и разозлил.

Сколько можно? Сколько?

Вдох – выдох, вдох – выдох. Собралась, и снова вошла в беседу:

– Я его не ощущала. Запахи вокруг, камни под ногами впивались в подошву, а случайного контактёра – нет. Затем, Нон... Его аура – растворилась, но я преступника чувствовала. Телепатически атаковала.

– Вы паниковали в тот момент?

– Нет, – резко ответила я. – Не паниковала. Построила астральную проекцию, подключила приборы. Усилила и оправила импульс дуалу с сообщением, что жду его готовности вместе удерживать сознание объекта. Потом – сильнейший пси-удар. Я не удержала убийцу – он тоже исчез.

Так всё и было и от этого становилось очень больно. Произошёл Матричный взрыв – мощный, поглощающий. Всё что я успела сделать – запереть собственное сознание внутри Модо. А когда волна сошла, я вопила, брыкалась, кусалась. Короче – обезумела.

Воцарилась тишина – жестокая, болезненная, бездонная. Я отпила из стакана. Понимала, что на этом круг вопросов закончен, и только время продиктует, когда я снова побегу по нему, гонимая сухим голосом дознавателя.

– Автоматическое письмо в своих действиях вы помните?

Ого! Это что-то новенькое!

– Что, простите?

Я подалась вперёд. Мышцы спины неприятно заныли. Странно, они тренированные – не должны. Но болели. Как же мучительно ныли! Или это душа? Сердце?

Да, душа точно не на месте, впрочем, как и сердце.

– Автоматическое письмо, написанное вами до вхождения в трас и углубление в чертоги разума.

– Я ничего не писала.

Зараза этот рыцарь! Раньше сказать не мог?

Автоматическое письмо – слова, написанные или сказанные в состоянии отделения сущности от тела и определяющие некое будущее, настоящее или прошлое, которое необходимо сделать гласным.

Хм. Я была в трансе довольно продолжительное время, и что угодно могло произойти. Выходит, автоматиче-

ское письмо, если оно действительно существует, я написала или произнесла лишь во время Направленного воображения. Или сразу после сторонней провокации: ведь и в том и другом случае происходит короткий выход из сознания и подключается подсознание.

– Что в письме?

– Предупреждение, – последовал незамедлительный ответ рыцаря.

Слишком быстро он ответил. Слишком. Словно пытался донести до меня некую мысль, или дать повод для размышления. Может, объяснить что-то?

Предупреждение или знание о будущих событиях – таинство, которым владеют лишь Вещие. Орден не мудрствовал лукаво, а назвал вещи своими именами: знаешь будущее или вхож в прошлое – ты Вещий.

Впрочем, были случаи, когда Предупреждение проистекало случайно теми, кто к трансляции предстоящих событий не имел никакого отношения. Такое происходило в сорокадневный период, после смерти одного из дуальной пары.

Сердце попыталось сбежать из груди, но рёбра его остановили. Я закрыла глаза, стараясь успокоиться.

– Может это было Знамение?

Ошибка. Это – моя ошибка. Вещим не задают вопросов. Всё на что должен рассчитывать рыцарь Ордена ниже званием – рассказать о произошедшем с ним. Впрочем, что я теряла?

Мне показалось или Вещий немного склонил голову набок, словно он рассматривал меня, делал выводы. Мой взор переместился на губы мужчины. Они остались без изменений – чёткая прямая линия.

– Нет. В автоматическом письме Предузнание.

Я понимала, к чему клонил дознаватель, но рассудок и сердце отказывались верить. Теперь меня ждал сорокадневный карантин, после которого я смогу узнать: куда меня направят служить.

– Я могу ознакомиться?

– Вам сообщат, – обдал мою фигуру, скрюченную на стуле, холодный голос Вещего. —Пока вы свободны. Вас отвезут на квартиру. Вам даётся три дня отпуска. Место прохождения вашей дальнейшей службы озвучат позже. Набирайтесь сил.

В чём грёбанный прикол?! Эй, я не закончила, Вещий!

Мужчина поднялся и перегородка, разделявшая помещение на две части опустилась, разрезав воздух, заставив меня поджать губы.

Несколько факелов потухли, а я продолжала таращиться на глухую стену, на которой словно пришипленный к картону мотылёк, трепетала моя скорчившаяся тень.

Глава 2

Широкий проход. Под ногами чёрные и белые глянцевые плиты, словно шахматная доска. Именно в этой популярной игре и прижилось поначалу слово: «Гроссмейстер».

М-да. Теперь верхушка Ордена наименовалась Гроссмейстерами, и они всеми признанные знатные игроки! Рыцарское братство вот уже лет двести играло исключительно по правилам, даже в самые сложные годы. Наверное, потому на мировой арене Орден не только удержался, но и стал отдельной империей, колонизирующей планеты.

А почему? Доход есть – вот почему! И народ грамотный!

Впрочем, если проводить параллели, то игрой в шахматы на нескольких мировых досках Орден не отделялся. Его миссия состояла в чём-то ином – неуловимом. Существовала некая сверхзадача, которой «маэстро игры» следовали. По иронии судьбы, Гроссмейстер – титул, присваиваемый семье руководителей Ордена. Повелось это ещё со средневековья – так называли главных людей в цехах. Теперь огромный материк Земли и несколько обитаемых порабощённых и заселённых колонистами планет, стали цехом для Ордена.

Тряхнула головой. Неуютно мне в стенах, отделанных фресками, выполненными в готическом стиле. Но я точно знала, что это подделка – красивая копия, состряпанная для услады глаз. Ну, или ради какой-то другой цели. Напри-

мер, для показухи. Чем не цель, если средства, потраченные на неё, оправдывает?

Сила – в вере, а как не поверить, если ты изначально помещён в коробку с подсказками на стенах и потолке, которые так и тянет рассматривать, любоваться, сравнивать, удивляться тонкости письма? На то и расчёт, начиная со Средневековья с его Крестовыми походами. Доминирование религии над праздностью бытия. М-да. Сейчас, увы, религией стала сама праздность.

Говорят: «Не верь глазам своим»², но именно этот человеческий орган первым атакуется в обычной жизни всеми, кто пытается навязать собственное мнение. Это – практика заезженная и срабатывающая без погрешностей всякий раз, как её применяют.

А-ля готические фрески, окружающие меня с трёх сторон, с их яркими, динамичными цветами, напряжёнными, давящими сюжетами, призваны внушать благоговение и страх перед будущим. Мол: «Задумайся, всяк сюда входящий, для чего ты живёшь?» Но я ловила себя на мысли, что именно они вносили новизну в моё собственное мироощущение, да-

---

² высказывание Козьмы Петровича Пруткова – [литературная маска](#), под которой в журналах «Современник», «Искра» и других выступали в 50 60-е годы XIX века поэты Алексей Толстой братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы. Согласно нескольким свидетельствам современников, также немалое участие в создании наследия Козьмы Пруткова принял штабс-капитан Александр Аммосов, рано умерший вследствие тяжёлых ранений. В частности, его перу принадлежит известнейшая басня «Пастух, молоко и читатель».

ря некий иной посыл – возвращали к прошлому, к понимаю: кто мы есть и кем готовы стать.

Реальность на картинах передавалась через метафоры – некий универсальный элемент насаждения истины – открытый и понимаемый всеми. Кто не любит сказки? В каждом из метаморфических существ живёт человек: ведь поступки иллюзорных тварей людские, простонародные. Так проще смотреть на жизнь: через призму иносказания. Вроде и не с тобой происходит – обычным средним человечешкой, а с неким существом, которого не существует.

Не верь глазам своим. Но как им не поверить, если в глубине всякой груди есть своя змея³. И я верила не только глазам, что смотрели на пёстрые фрески, но и словам, сказанным Гроссмейстером, сопровождающим меня по коридору.

Свет слепил глаза – они слезились. На ум пришла странная мысль: «А что если выхватить нож, болтающийся в ножнах на поясе мужчины, пырнуть им собеседника, чтобы полилась кровь и сбежать?»

Что мне будет? Ну, поймают, засадят в тюрьму на пожизненное – и всё. Даже в мыслях слово: «Пожизненное» было

---

³ высказывание Козьмы Петровича Пруткина – [литературная маска](#), под которой в журналах «[Современник](#)», «[Искра](#)» и других выступали в 50 60-е годы XIX века поэты [Алексей Толстой](#) братья [Алексей](#), [Владимир](#) и [Александр](#) Жемчужниковы. Согласно нескольким свидетельствам современников, также немалое участие в создании наследия Козьмы Пруткина принял штабс-капитан [Александр Аммосов](#), рано умерший вследствие тяжёлых ранений. В частности, его перу принадлежит известнейшая басня «Пастух, молоко и читатель».

пропитано движением, существованием, дыханием. В тюрьме люди обитают – вот что основа основ!

Сейчас мне предлагалось стать агентом, который в любой момент превратится в кусок мяса. Очень плохая перспектива! Я планировала копить эту землю ещё много-много лет.

– Вы всё поняли? – голос человека в штатском ударил меня в спину.

– Да.

Я не обернулась, не сбавила шаг. В душе я была благодарна, что мужчина не уговаривал проникнуться учениями Ордена, стать его рабом. Я всё ещё была свободна в собственном выборе, хотя рисованные лица с картин на стенах призваны одним взглядом лишить меня именно этого.

– С вас снимут все обвинения, но вы должны постараться ради себя и нашего дела.

Правильные слова – правильные акценты. Так и есть: постараться ради себя и для их дела, чтобы сняли обвинения, освободили от обязательств. Мне растолковали причины избавления от бремени, стань я агентом, но дали поручение, которое нельзя не выполнить.

– Да.

– Направо, – Гроссмейстер немного притормозил, пропуская меня вперёд.

Я свернула в небольшой «отросток» с фресками менее динамичного сюжета и цветовой гаммы. Интуитивно поняла, что это выход для меня в прямом и переносном смысле.

Там, за круглым шлюзом меня ждал город – мой мегаполис. Он принадлежал мне с тех самых пор, как я осознала себя в этом мире, сделала первый шаг, сказала первое слово. Он – мой город – укрывал меня, помогал выжить в трущобах и вольготно чувствовать себя в дорогих номерах отелей.

Не оборачиваясь, подошла к электронному замку, а сопровождающий остался стоять в проёме, что показалось символичным. Ха! А-ля готические фрески заставили всё же разыгаться моё воображение!

– Код электронного замка: сорок пять, одиннадцать.

Нажав на первую кнопку с цифрой «четыре» я не могла освободиться от мысли, что даже в случайном наборе шифра содержался некий символизм.

В нумерологии цифра «четыре» означала устойчивость и прочность. Философы наделяли её едва ли не божественным предназначением. Четыре стихии: земля, воздух, огонь, вода. Проще: четыре – материальный мир, в который меня отпускали.

Подушечка пальца коснулась кнопки «пять». Лёгкое нажатие и риск, который олицетворяла цифра, встретит меня в ближайшем будущем.

Следующее в коде: «один». Это – число цели. Агрессивное и амбициозное. Оно входит в любую из Матриц. Да и как не входить, ведь единица – сущность, порождение Абсолюта. Абсолют же – матрица или Космос. Любое число, умноженное на единицу, останется равным себе – вот ведь фокус!

Или именно в этом философия бытия?

Я вдавила последнюю цифру, которая тоже была единицей. М-да. Загадка: почему две единицы в коде на выход из стен Ордена? Две единицы не случайны – факт. Один и один – дуалы, связанные между собой на пространственном уровне. Они вне времени, вне сетки физических координат.

Моя цель – защита себя, как единицы в обретении некой полноценности, через связь с другой сущностью. Живой и настоящей, пусть и обитающей за двести лет до моего рождения. Так мне объяснил Гроссмейстер, с этим и уйду отсюда.

Раздался щелчок, и шлюз мягко распахнулся. В «аппендикс» с фресками влетел тёплый ночной ветер, а взгляду открылся городской пейзаж и гоночный автоплан, припаркованный к помосту. Как он здесь оказался одному Богу ведомо, но пригнали машинку – спасибо вам Гроссмейстеры.

Вступив на помост, я широкими шагами направилась к автоплану, приложила к стеклу ладонь, и полётное средство распахнуло дверь. Но в отражении на стекле была не я, а неизвестный блондин с широким подбородком и крупными глазами.

Тряхнула головой, встала ровнее. В самом деле, что за навяждение?

Неожиданно возникла шальная мысль: помахать сопровождающему рукой, когда я, забравшись в салон, повернула

ключ зажигания. Я так и сделала, но моего жеста оценить было некому – рыцаря Ордена уже и след простыл. Оно и понятно: парень нырнул в глубины защищающего его бытия, к своим фрескам, правилам и незыблемым законам не нарушаемым вот уже двести лет подряд.

Средневековье. Крестовые походы. Готика, родившаяся во Франции – некогда европейском государстве, а ныне – территории, под юрисдикцией Ордена стеклодувов на самой границе с окрестностями клана Золотого змея. М-да...

Раздался грохот. Я резко села в постели. Огляделась.

Комнату заливал неоновый свет рекламы. Он касался чёрного квадрата видеофона, лежащего внутри корпуса подзаядника на стене. Часть кровати тоже накрыл падающий из окна свет, и я невольно убрала ноги, чтобы они оставались в тени.

На ум пришёл отрывок из странного сна, где в отражении окна автоплана новой марки появился блондин. Подскочив с кровати, точно ужаленная, я бросилась в санитарную комнату, к висевшему на стене зеркалу. Теперь в отражении была только я – девушка двадцати пяти лет с пухлыми губами, рыжими, вьющимися волосами и голубыми глазами, а не парень с квадратным подбородком и светлыми волосами.

Бр-р-р-р! Приснится же такое! С успокоительными нужно быть аккуратнее.

Открыв кран, умылась прохладной водой и снова взглянула в зеркало. Искала в нём не себя, а ответ на вопрос: «Что

это было?»

Гроссмейстер? Серьёзно? Странное название, пришедшее из далёких времён. Да-да, тот парень со светлыми волосами из сна размышлял об этом.

Братьев Ордена называли рыцарями, а верхушку – Вещими, даже тех, кто входит в Круг Семи. Откуда взялись гроссмейстеры, даже если представить, что я видела второе Предузнание? Помнится, так назывались первые рыцари, создавшие братство. Они обладали гипнозом и телепатией. Когда братство разрослось, переименовали не только мастеров, но и рыцарское сообщество.

Вода лилась, пока я, уперев ладони в металлический умывальник продолжала обдумывать увиденное. Больше всего меня заботило ощущение, которое при этом испытывала: я была частью иллюзорного действия. Так обычно происходило, когда я ментально роднилась с Ноном, в буквальном смысле, влезала в его тело и управляла им. Но я никогда не слышала и мыслей дуала, а только продолжала видеть образы.

Опустила голову ниже плеч и хорошенько потрянула ею – до боли в шее, до белых, блестящих точек перед глазами. Зажмурилась, чтобы унять сердцебиение.

Это был сон – яркий, динамичный, вкусный, как сама жизнь, но всё же сон. Я засиделась, разбирая копии документов, которые обнаружили на электронном носителе, спрятанном в нашем с Ноном детском тайнике.

Помню, слонялась по улицам без особой причины. Вглядывалась в лица прохожих и думала о дуале. Ноги сами привели меня к тайнику в городском парке. Постояв возле руин древней крепости, я обошла её с южной стороны и прошмыгнула в узкий, короткий лаз. Именно там, в глубине на левой стене и находился старый тайник, которым очевидно пользовались первые владельцы рассыпающейся рухляди. Какое же было моё удивление, когда на сырой, холодной кладке я обнаружила «орбис-парва».

Я выдернула маленький, электронный носитель из тайника, стиснула его в руке и бросилась со всех ног домой.

Только захлопнув входную дверь и подперев её спиной, я перевела дыхание. Затем долго ходила по комнате не решаясь раскрыть ладонь. Мне казалось, что ощущение от сжимаемого мной корпуса носителя мне мерещилось.

Наконец, я решилась: включила компьютер, ввела пароль и, запустив программы «невидимки» и «чистки следов», разработанные Ноном, отправилась в ближайшее вирт-кафе. Там я, состыковав передачу данных с компьютеров, погрузилась в просмотр.

Внутри были документы. Множество документов. Впрочем, снимков тоже хватало. Это была вся информация по делу маньяка-гипнотизёра, рассматриваемому нашим аналитическим отделом. Я восприняла находку, как знак – подачу, сделанная Ноном на мою часть поля. Он что-то хотел мне сказать, объяснить, но, очевидно, не успел или не посчитал

нужным втягивать, пока сам всё не проверит.

У напарника точно была догадка, и он смог связать все убийства в одну цепь событий, отличающуюся от главной версии, пока дело по трём убийствам не забрали себе рыцари из Первого отдела комитета собственной безопасности Ордена. Наверное, хотел всё проверить, прежде чем посвящать в детали меня. Но напрашивался вопрос: зачем продолжать заниматься делом, которое расследует другая служба? Это как минимум глупо.

Нона Возова глупцом назвать язык не поворачивался. Оставалось предположить, что случилось нечто из ряда вон выходящее, заставившее напарника скопировать документы, относящиеся к делу вплоть до виртуальной стенограммы последнего перед операцией по задержанию совещания.

Шея затекла, и я подняла голову, так и не открыв глаза. Из памяти всплыла картинка из сна: на покрасневшем от заката небе чётко видны два диска планет. Оба довольно крупные, но по цвету различались: оранжево-красный и молочно-голубой.

Ну, и фантазия у меня! Привидится же такое! Воображение – хоть в сказочники переqualифицируйся! Это от усталости и излишней впечатлительности – личный изъян, с которым я безуспешно боролась всю свою жизнь.

Распахнув веки, я не сразу сосредоточилась на собственном отражении. Взгляд рассеянно натыкался то на белую чашу умывальника, то на рыжие, взлохмаченные волосы в от-

ражении зеркала.

Вода продолжала течь из крана тонкой струйкой, и я воспользовалась этим – снова умылась. Закрутив маховики, вытерлась полотенцем. Зачем-то схватила расчёску и несколько раз глубоко и яростно провела ею по волосам. Щетина «массажки» болезненно прошла по коже головы, но мне это даже понравилось – я переключилась на другие ощущения.

Заплетя волосы в косу, и стянув заколкой её кончик, поправила мятую футболку, расправила складки рукой. Трикотаж натянулся, обрисовывая контуры моего тела.

М-да. Похудела. Как сказал бы Нон: «Сдала, подруга». Так дело не пойдёт. Питаться нужно, впрочем, как и жить. Только ни того ни другого делать не хотелось. Я тосковала по напарнику, другу, мужчине, любовнику, брату, дуалу коим для меня был Нон Возов. Я отказывалась верить в его смерть. У меня были причины: отложенная связь внутри нашего с дуалом Модо, которая чувствовалась и сейчас.

Я ждала его. О, как же я ждала Нона! Без него не представляла будущего, впрочем, как настоящего. Моим прошлым он был всегда. Почти каждое мгновение моей осознанной жизни наполнял он – Нон.

Не помню, как очутилась в интернате – событие стёрлось из памяти, хотя в личном деле написано, что в Орден попала в возрасте четырёх лет. Это очень поздно. У любого из братьев и сестёр, возраст посвящения составлял не больше полутра лет от роду. Нон очутился в числе посвящённых в го-

довалом возрасте.

Помню, в первую ночь в интернате я крутилась в кроватке, стоящей рядом с окном. На других – лежали девочки примерно моего возраста. Я смотрела в потолок и тихо плакала, вытирая кулачком щекочущие кожу слёзы. В тот момент мне казалось, что я одна в целом мире и не понимала: почему так вышло и за что меня бросили?

Неожиданно дверь тихо открылась, и порог спальни переступил мальчик. Его русые волосы были взъерошены, а глаза – заплаканы. Он обвёл взглядом кроватки с девочками. Когда взор остановился на мне, быстро сократил разделявшее нас расстояние и замер у изголовья. Его маленькая ладошка коснулась моих волос, а с губ сорвался шёпот:

– Я тебя чувствую. Не плачь, тогда и я плакать не буду. Я сильный и не плакса – так и знай.

Я кивнула мальчику, а он добавил:

– Не знаю, как это получается, но теперь ты и я будем всегда вместе, даже тут. Особенно тут.

Пацанёнок дотронулся пальчиком до своей головы и поджал для убедительности губы. Через пару минут он развернулся и скрылся за дверью. Позже нас представили друг другу, и мы не расставались с того самого момента никогда.

Я любила Нона, была с ним счастлива, хоть и понимала, что создать семью нам не дадут – закон Ордена стеклодувов, будь он не ладен! Мы с Ноном успешно его нарушали – это была тайна, скелет в нашем общем шкафу. Опасность и пры-

жок над пропастью.

Но кто тот блондин из сна? Сцена на фоне пёстрого неба с двумя крупными дисками казалась трагичной – шагом в неизвестность. Или бездну.

О! Это воображение! Почему я размышляла о том парне? Он – сон. Осталось только сесть и додумать историю до конца, да так, чтобы он жил долго и счастливо. Сказочница! Других дел нет, что ли? У меня жизнь полетела в Тартарары, а я на сне помешалась!

Вот что мне действительно сейчас необходимо, так это анализировать, мыслить, взвешивать. Важно попытаться осознать то, что хотел сказать мне Нон.

Бросив взгляд на зеркало, я покинула санитарную комнату и уселась за рабочий стол, где была разложена нарисованная накануне схема. Она включала в себя имена всех, кто был убит. В их числе и Нон. Его имя я написала в углу листа: ведь считала напарника потерпевшим, не вписывающимся в общую картину преступления.

Кому я вру? Судя по жертвам, в пресловутую картину преступления не вписывались все, кто отображён на листе. Ощущение такое, что все, кто был убит – случайные люди, очутившиеся не в том месте и не в то время. Роднила жертв лишь особая металлическая фишка с цифрой «одиннадцать», оставленная злоумышленником на каждом трупе.

Как там во сне было? Тот блондин на супернавороченном автоплане сильно загонялся по нумерологии. Одиннадцать –

это один и один. По его размышлениям сущность, которая связана с другой сущностью по средствам дуализма.

Хм. Занятно. Родоначальником такого отношения к цифрам стал Пифагор, а его ученик Платон считал, что у мироздания есть математический код. Хорошо бы! Если бы шифр отыскался, то решились бы многие проблемы бытия. Тогда написали бы формулу гениальности, долголетия, любви, ревности...

Что-то я не в ту степь в размышлениях ушла. Возвращаюсь!

Итак, в деле о маньяке с фишкой, которое мы расследовали с Возовым, аж три единицы, и все с ярко выраженными подавленными гипнотическими способностями. Потому дело забрал себе Сыск Ордена, а не обычные следователи полиции, и передал в наш отдел.

Покопавшись в ментальной карте потерпевших, мы с Нонном обнаружили, что у всех жертв при их жизни отмечалась одинаковая по свойствам и стилю блокировка на неясные пси-факторы. Такое сплошь и рядом случается при кодировке людей во время гипнотического сеанса, после назначения такового судом или специальной службой Порядка.

Но сама блокировка – шифр из сочетания понятий, образов и цифр – оказалась нелегальной. Это было установлено экспертами, проработавшими рукописные записи потерпевших, аудио и видео треки. У каждого время корректировки личности произошло в канун смены одной работы на дру-

гую. Но почему жертвы маньяка не воспользовались легальной услугой?

Рисковали? Да. Молчание об изменениях в личности – преступление перед обществом, пусть и каралось административным кодексом. Но у них всё получилось и, приобретая новую блокировку сознания, они изменили личность – значит и жизнь.

Что в их существовании случилось такого, для чего потребовалась корректировка?

Или так: что произошло такого, что три человека обратились не в специальные ведомства, обслуживающие проблемы подобного рода, а к кустарю, гипнологу-нелегалу?

Индивидуальность, интимность давно перестали быть частью нашего мира. Любые изменения, как субъективные, так и объективные вносились автономно компьютерными программами или специальным ведомством в личные анкеты каждого живущего на планете.

Трое скрыли изменения в личности, доверившись ремесленнику, и тем самым вручили своё будущее в нечистые руки – это первая версия, к которой мы пришли с Ноном.

Подобное влекло за собой наличие клиентской базы нелегала с полным перечнем незарегистрированных в государственных базах кодов, – а значит к целому ряду серьёзных проблем.

Кодировка сама по себе – благо, и как любой дар его можно очернить, навязав следующую надстройку блоков, пре-

вратив человека в живую куклу.

Далее – по накатанному: тонкое тело убийцы отреагировало на вибрации закодированных кем-то людей. Или кто-то воспользовался клиентской базой кустаря-одиночки и сотворил монстра, подбрасывающего фишки с цифрой «одиннадцать».

А может и сам гипнолог зачем-то пожелал проредить пласты тех, с кем поработал однажды. Сделать такое просто: сделай чудовище из одного бывшего «пациента» и заметай следы, науськивая его на всех подряд. По статистике такие преступления случаются чаще других. Мы с Ноном пошли по стандартной инструкции и теперь мне понятно, что именно в этом состоял промах.

Тонкие тела – «психо-духовные» составляющие всех живых существ, их жизненная энергия. Ордену удалось продвинуть в Совете Лиги наций законопроект о принудительной гипнотической кодировке граждан, признанных судом ведущими неблагонадёжный образ жизни. Это случилось около ста пятидесяти лет назад, и в рамках закона воспитано уже четыре поколения.

Неблагонадёжность – история с продолжением. Каждый гражданин планеты подвергся в той или иной степени гипнотическому кодированию. Это отмечено в их личных анкетах. Другими словами – к каждому из людей подобран индивидуальный ключик, повернув который, можно остановить индивида на краю бездны.

Ещё в школе учащихся заставляли писать ответы на вопросы в тестах, а высокой комиссией отслеживались их результаты. Вопросы в анкетах не повторялись, и подготовиться к прохождению задания невозможно.

В старших классах ребят обычно просеивали через сито повторно, ведь именно в этот момент начинает формироваться, так называемая, лояльность к чему-то запрещённому.

Мы с Ноном окончили обычную школу, и никогда не писали опросники – мы ведь из Ордена. Делали вид, что, как и все готовимся к важному событию, а сами штудировали законы, чтобы предстать перед наставниками. У нас тоже решалась судьба, только иначе: нас волновало, кем мы станем внутри общества рыцарей. Судьба забросила нас в аналитический отдел Сыска.

Что-то я увлеклась воспоминаниями. Нужно возвращаться к трупам.

Итак, все потерпевшие прошли гипнотическую кодировку нелегально – факт. В «портфеле» жертв, двое мужчин и одна женщина. Все примерно одного возраста: от двадцати трёх до двадцати шести лет.

Я поднялась из кресла и прошлась по комнате. Мне нужны были эти рефлексорные, монотонные, естественные для каждого человека движения, чтобы сбить желание снова сконцентрироваться на мысли: «Что же хотел сказать Нон, оставив в тайнике орбис-парва с копиями дела?» Я потратила

на обдумывание двое с половиной суток – результат нулевой. Эта тропа не моя – нужно самостоятельно, отрешённо мыслить.

У меня хорошая память и личное дело каждого из потерявших помнила наизусть. Оставалось лишь ещё и ещё раз воспроизвести в голове сухой текст заключения о стабильности и гражданственности убитых.

Итак. Первой погибла девушка Луиза Граф. Ей исполнилось двадцать три года. Проблем с законностью не имела и легальную гипнотическую кодировку не проходила один раз. К повторной услуге показания отсутствовали, согласно документов, предоставленных службой Порядка. Работала Луиза Граф в сталелитейном цехе диспетчером роботизированных станков.

Почему её зверски убили – вопрос не такой уж сложный. Граф оказалась в тот день в Вастумном районе – дне общества, где проживали отщепенцы, отбросы, неблагонадёжные граждане, бывшие уголовники. Потому её смерть поначалу показалась полиции естественной – нечего ходить, где не просят. К тому же выглядело место преступления так, будто там орудовал маньяк. Только вот фишка – металлический кругляш с цифрой «одиннадцать» – выбивался из общей картины.

Вастумный район – место, отыскиваемое на каждой из обживаемых разумными расами планет. В него выселяли лиц, не поддающихся гипнотическому воздействию. А так же тех,

кто подвергался перекодировке сознания длительного действия больше семи раз. М-да. Чем не повод, чтобы отыскать нелегала, если пагубная страсть, сильнее комбинации стандартных или усиленных мер кодировок личности.

Я подошла к столу, упёрлась одной рукой в столешницу, другой – отыскала фотографию убитой.

Внешне Луиза ничем примечательным не выделялась: светлые глаза, тонкие губы, скуластое худощавое лицо, светлые короткие волосы. Не похоже, чтобы она была склонна к тайным страстям, которые бушуют в сердцах юных дев, не пользующихся вниманием противоположного пола. В деле говорилось о молодом человеке по имени Нил Фейерверков – её женихе.

Стоп! Где у меня его фотография? Ах вот! Забилась под компьютер.

Со снимка на меня смотрел русоволосый парень с зелёными глазами, круглолицый, с пухлыми губами и носом-картошкой. Я совместила две фотографии и невольно ухмыльнулась.

М-да. Парочка хоть куда! Правду говорят: противоположности притягиваются.

Ладно. Что там ещё про Луизу Граф? Так-так. При поступлении на работу было отмечено, что кодировок не проводилось. А устроилась девушка в пекарню сразу после окончания школы – в пятнадцать лет. Спустя пять лет Граф сменила профиль и на новом месте работы обнаружилась помет-

ка о кодировке.

– Странно, правда? Вроде всё легально: ведь она сообщила в анкете об изменениях.

Ох! Болтаю открыто, а слышен только мой голос. К кому я обращаюсь, я ведь одна! Привыкла, что Нон всегда рядом...

С трудом сглотнула, облизнула губы. Чтобы не расплакаться глубоко вдохнула – шумно и протяжно выпустила из лёгких воздух.

Луиза. Не забываем. Снова настраиваемся на работу. А лучше записать всё, что показалось мне странным, несоответствующим, излишним.

Открыв новую вкладку на компьютере, я написала в трёх колонках: «Портрет потерпевших. Странности. Несовпадения». Далее начертала имя девушки, рядом – её адрес.

И первое с чего следует начать: раздобыть карту проверок психо-эмоционального состояния. Записано.

Нужно выяснить, говорила ли девушка комиссии, какого свойства была кодировка: долговременная или пополняемая? Такое никто не станет скрывать – себе навредишь. Записано.

А ещё следует отправиться к участковому врачу девушки и поинтересоваться о проблемах Луизы Граф. Может у неё была серьёзная болезнь и девушка не смогла выдержать эмоционального напряжения. Затем – отправлюсь к жениху. Записано.

В дверь постучали. Я дёрнулась, смахнув со стола фото-

графии влюблённой парочки.

– Минутку! – мой голос оказался уверенным, немного хрипловатым, какой бывает со сна.

Быстро подобрав карточки, я покидала их в сейф, встроенный в стене. Туда же отправился и лист с именами жертв.

– Иду, иду!

Глава 3

Ой, только не это! Я не готова его видеть!

В дверях стоял Дад Речер – друг Нона и мой. Точёное лицо парня дёрнулось, и на нём появилась косая улыбка.

– Привет, Анна!

Я, наверное, не меньше минуты всматривалась в карие крупные глаза в рамке длинных, стрельчатых ресниц, прежде чем ответить, но всё же промолвила:

– Привет, Дадо!

Дадо – так его называли друзья, которых у Речер в каждом подразделении вагон и маленькая тележка. Не удивительно: ведь Дад отличался шумным характером и весёлым нравом. Был красавцем, пламенным спорщиком и выдающимся военным.

Впрочем, быть выдающимся и слыть весельчаком мало, необходимо ещё иметь в крови бесстрашие. Именно это качество выделяло Дадо из всех, и только оно помогло парню в двадцать пять лет стать заместителем начальника подразделения.

– Пригласишь войти или разрешишь вытащить тебя в бар?

Я покачала головой и поморщилась:

– Нет. Только не в бар. Проходи.

Я шире раскрыла дверь, а сама отошла с дороги. Дадо кивнул и длинная, густая чёлка, зачёсанная назад, свесилась

на лоб.

– Я вижу, ты спала. Прости, что разбудил.

Дад остановился посередине комнаты и после фразы развернулся ко мне лицом.

Свет, проливающийся ровной трапецией из коридора, точно прожектор высветил фигуру парня, заставив меня рассматривать торс, тёмные волосы, красивый подбородок, родинку над пухлой верхней губой. Воображение быстро слепило картинку склепа давно умершего человека – девушки, которое потревожил мускулистый археолог или авантюрист. Хотя...

Да, я умерла вместе с Ноном, а Дад пришёл ко мне на могилу. Зачем ноги топтать? Мне хорошо одной.

– Прими мои соболезнования.

– Спасибо. И ты мои.

– Вот уж не думал, что... Конечно, знал, что мы все умрём, но...

– Мне тоже не понятно: почему он. Ответа не найти – придётся смириться.

Дад кивнул и опустил взор. Мы немного постояли, собираясь с силами. Наконец, друг детства заговорил, словно извинялся за что-то:

– Глупо прозвучат слова, но поверь, я подбирал их всё то время, что готовился прийти к тебе... Какие-то показались приемлемыми и я записал их на лист бумаги, выучил...

Дад замялся, поджал губы, но его взгляд был красноре-

чив. Я видела, что его мучила утрата, но говорить о Ноне, как об умершем Речер не желал. Впрочем, как и я. Догадывалась, что Дад должен был сказать мне, только помогать ему не собиралась – пусть выскажется.

Возникла пауза.

И вдруг на ум мне пришла мысль в отношении Луизы Граф, которую я не успела записать, находясь внутри потока ощущений, а не аналитического восприятия дела. Новую работу девушка нашла почти сразу же, стоило ей обратиться в Центр занятости населения. Там, в учебном центре, погибшая окончила трёхмесячные курсы, и овладела другой специальностью.

В характеристике с места учёбы в отдельном пункте были указаны награды, которые потерпевшая имела. Среди них оказалась одна: за кондитерское искусство. Нон заявлял, что девушка видела себя среди пекарей и кондитеров ещё со школьной скамьи, но почему-то поменяла работу. Напарник предположил, что должно было что-то произойти в жизни двадцатилетней Луизы Граф, чтобы она пожелала не только сменить работу, но и обратиться к гипнотизёру-нелегалу.

Да, я была полностью согласна с Ноном. И вроде бы догадка не вырывалась из контекста общей картины, но я не могла понять, почему именно обстоятельство смены работы меня так задевало – казалось соринкой в глазу? Может потому что непонятно в какое время девушка успела сходить к гипнотизёру? Три месяца – серьёзный срок для изменения лич-

ности. Вернее: внезапного изменения личности. Но сколько времени потребовалось до этого момента? Было ли решение обратиться к гипнотизёру-нелегалу скоропалительным или потребовалась куча времени для вынашивания этой идеи?

Нет, точно нужно как-то получить раскладку психологического состояния Луизы! Но от дела я отстранена. Вот ведь, что значит: не везёт! Как с этим бороться?

Начальник нашего отдела решил, что это интересно, но путь в Никуда, потому мы сосредоточились на другой версии: списки с кодами блокировки оказались у преступника случайным или насильственным образом. Мы сосредоточились на этой постановке вопроса, потому искали среди трупов или пропавших без вести людей, обладавших в той или иной степени телепатическими и гипнотическими способностями.

Но возможно, Нон решил перепроверить историю Луизы Граф и отыскал некую нестыковку фактов; эпизод, решивший судьбу девушки; или конфликт, имевший место быть? В противном случае, для чего копировать документы по следствию, если оно давно передано в другую службу?

Непонятно, правда, почему следственные мероприятия теперь проводит Комитет собственной безопасности, но им виднее, какие преступления касаются их подразделений, а какие – нет.

Я снова искала подсказку ссылаясь на Нона. Беда! Я не готова самостоятельно думать, но придётся. Нужно не забыть

и написать вопрос в общей таблице.

– Анна, – наконец, решился продолжить Дад, – дело, которое вы вели с Ноном, передали в специальную службу Комитета собственной безопасности. Но я знаю, что ты не остановишься: будешь копать в нём снова и снова, пока не отыщешь убийцу. Ты, как и я считаешь, что гибель Нона связана с последним расследованием. Он был моим другом, и я хочу заняться распутыванием преступления с тобой.

Дад, Нон и их мальчишеские дела – так уж повелось с самого начала. И я мирилась с таким положением вещей всю свою сознательную жизнь.

Они попали в Орден почти одновременно – с разницей в несколько дней. Их кровати в отсеке номер «семьдесят» находились рядом, как потом и места в столовой, игровой, в спортивном зале, школе.

Мальчишки держались вместе всегда. Впрочем, в четыре года привычки пришлось менять. Нон плакал в мальчишечьей спальне, зарывшись под подушку и одеяло, пока не рискнул прийти ко мне и сказать о том, что мы неразлучны с этого момента. Но никто не знал, что сразу после ухода дуала ко мне заявился Дадо. Ему хотелось посмотреть на девочку, которая своим рождением нарушила их дружбу.

Тогда, тёмной ночью я увидела в дверях красивого мальчика с чёрными, как смоль волосами и родинкой над губой. Ребёнок подошёл ко мне и, не говоря ни слова, замахнулся для удара или пощёчины. Я инстинктивно зажмурилась,

втянула шею в плечи, но ничего не происходило довольно протяжённое время. А потом почувствовала лёгкое касание пальцев к щеке и вздох – тяжёлый, протяжный.

Когда я открыла глаза паренька и след простыл. Мне осталось только скользкое ощущение страха. Со временем скованность в компании Дадо прошла – он умел рассмешить любого, но я не могла простить мальчику, а теперь и взрослому мужчине, того испуга тёмной ночью.

Ха! Даже сейчас я интуитивно пыталась защититься от Дадо, так и не захлопнув входную дверь. А он чувствовал мою напряжённость потому, мне кажется, и встал в пучок света.

– Что ты мне на это ответишь, Анна?

Анна – он называл меня так, сколько себя помню. Только по-взрослому и никак иначе, даже в моменты весёлых вечеринок и тяжёлых переживаний.

– Я не-е-е...

Отпустила дверь – она медленно закрылась. В комнате воцарилась тишина и полумрак, рассеиваемый светом голографической уличной рекламы. Память снова подкинула мне эпизод с замахивающимся на меня ребёнком, только в ту ночь свет простирался от луны, заполняя комнату почти целиком и дотрагиваясь до моей кровати.

– Кому ты сочиняешь, а? – раздался приглушённый голос Дадо.

Он был бархатный, мягкий, сожалеющий, влекущий, род-

ной, располагающий.

Удивительно, как быстро нас меняет горе! Я вспоминала первую нашу с Дадо встречу, которая не задалась, но ночей, когда он, прокравшись в спальню девочек, садился на кровать и рассказывал мне сказки, утешая после очередного взыскания из-за успеваемости в школе, я вычеркнула. А ведь так всё и было – он приходил и утешал. Появился и сейчас.

– Свет! – команда далась мне легко.

– Хм. А в полутьме было интимнее, – широко улыбнулся парень.

– Не забывайся, – посоветовала я и, пройдясь по комнате, заняла любимое место у окна.

– Никогда.

– С чего ты взял, что я буду расследовать преступление, а не дождусь его результатов в каком-нибудь тихом месте? Ты ведь знаешь правила Ордена: меня не выпустят даже прогуляться без разрешения. К тому же, не считаю, что Комитет собственной безопасности в стандартном письме в Сыск известит о чём-то из ряда вон выходящем. Они отпишутся стандартными фразами, чтобы запустить бюрократическую машину, для сдачи его в архив у нас со своим ответом. Всё шито-крыто. Как и всегда...

Дадо оказался рядом и уселся на подоконник. Мы долго смотрели в глаза друг другу прежде чем он ответил:

– Я подал рапорт о зачислении тебя сокуимом в отряд в нашем подразделении.

Такого я не ожидала.

– По-твоему есть основания?

– Наша дружба с пелёнок и твоё психологическое состояние. Родство душ и доверительные отношения учитываются рыцарями – ты знаешь. Ха-ха! Они повелись, Анна, Вещие, на такого рода убеждения. Там было ещё много чего мною написано, но я хочу, чтобы ты помнила о том, что я перечислил. Ты не одна. Слышишь? Я с тобой. Моя жизнь прошла не рядом с тобой и Ноном, а она была с вами. Заметь: не рядом, а вместе. К тому же ты отличный телепат – талант, у тебя не отнять. Легко переквалифицируешься в гипнотизёра. Но самое важное – у тебя появится доступ к пси-капсулам и данным серверов.

– Алгоритм чётко прописывается, – возразила я. – Мало того – он сохраняется.

– Я всё продумал. Не переживай. Главное – доберись до пси-капсул.

Дадо Речер в своём репертуаре!

– Сокуим, значит?

Ответом на мой вопрос стал лишь кивок Дадо.

Сокуим – что-то вроде помощника руководителя отряда, обладающего гипнотическими способностями. Слово пришло из прошлых веков и не имело корней. Сокуим – аббревиатура, расшифровку которой давно забыли и не желали вспоминать. Теперь это стало званием гражданского лица, участвующего в рейдовых операциях и во время патрулиро-

вания улиц Вастумного района.

Дадо здесь и сейчас давал мне надежду и от неё я отказываться не собиралась. Только бы всё получилось!

Я подняла глаза на Дадо. Его взор излучал боль и сострадание.

– Да. Теперь я – сокуим.

Он другого ответа и не ждал – оно и понятно. Парень улыбнулся открыто, задорно, как делал всегда, и немного подавшись вперёд, прошептал:

– Мы сможем, Анна. Перевернём эту планету, но найдём ублюдка.

Были сказаны простые и правильные слова, но они вызвали в моей душе прилив ярости. Именно сейчас, в эту самую минуту я до конца осознала утрату.

Глаза старого друга по интернату горели нездоровой решимостью и тоской. Она обрушилась на меня, как голодная львица и утатила в своё логово: глубоко-глубоко – в бездну. Я была ранена в самое сердце глядя на переживания другого человека, без возможности сопротивляться опасному чувству и через него принимала личную потерю. Произнесённые Речер до текущего мгновения фразы – фальшь, ёлочная мишура, сверкающая обманным блеском надежды. Дадо первым вкусил боль утраты и теперь распространил её и на меня, будто заразил вирусом.

Всё – Нона нет на свете. Он ушёл в другой мир, бросил меня, не позвал с собой.

Кулаки сжались сами собой. Я просунула руки в карманы домашних брюк и отвернулась – уставилась в окно на пёстрый пейзаж столицы. Там в ярком неоновом, разноцветном облаке протекала динамичная, оживлённая жизнь, предлагая всем без исключения то, что они захотят, о чём мечтают. Люди там – в глубине – грезили о чём-то, брали жизнь под узды. А я – умерла.

Хотя, даже покойники умеют испытывать эмоции, и я горела гневом в отношении слов Дадо. Он расшевелил меня, обратил в собственную веру, пытался заставить действовать. Только он так и не понял, что мне всего этого не требовалось. Преступник стал моим личным врагом, за которым я буду маниакально следовать повсюду, пока не поймаю и не прибью. Мечь не имеет срока давности, как и моя любовь к Нону.

– Молчишь? – горько заметил парень. – Молчи. Главное – используй свои способности и помоги нам во всём разобраться.

Поджала губы, чтобы не зареветь от злости, не расколоться на тысячи мелких осколков. Покачала головой, мол: «Ерунда. Я с твоими словами согласна». Но долго маску на лице удержать не удалось – она сползла, обнажив чувства.

Да, я расписывалась в собственном бессилии перед миром, перед ситуацией, перед смертью – перед всем, что имеет в своём геноме безграничность.

Мазнула взором по лицу Речер и снова вонзила его в город

за окном. Дад ждал ответа, и я точно знала, что без него он отсюда не уйдёт.

Тяжело вздохнув, произнесла:

– Спасибо тебе за предложение. Ты рискуешь гораздо больше меня – у тебя сложилась карьера, к которой ты так долго шёл. Потому прошу: взвесь все «за» и «против».

– Я подумал, – вздохнул Дад облегчённо. – Взвесил.

Дадо дёрнул меня за руку, чтобы я снова смотрела ему в глаза. Наши лица разделяли какие-то пара-тройка сантиметров. Дадо продолжил:

– Но я хочу объяснить тебе одну простую вещь: я и ты теперь в одной лодке и я хочу, чтобы ты взвешивала свои действия. Была осторожной и знала, что на самом деле может произойти любое, даже... смерть кого-нибудь из нас. Я смогу раздобыть сведения, ты раздобудешь сведения. Мы объединим всё и поймём: где убудка искать. Но Вещие – не идиоты, и за тобой будут следить, как и за мной. Они просчитали нас и понимают, что мне есть что терять, потому сконцентрируются на твоих действиях. Не выдай себя. Прошу.

Как он сказал? «Мы в одной лодке»? Хм...

Нас считали неразлучной троицей – беззаботной и самодостаточной. Дадо и Нон жили на широкую ногу и меня тянули за собой, будто это само собой разумеющиеся вещи. Я была третьей, но не лишней.

Мы с Дадо вряд ли сосуществовали бы вместе – слишком полярные. Нашим связующим звеном – сердцем сцеп-

ки – был Нон. Теперь его нет, и «лодки» тоже нет, но Ре-чер её подлатал и первым шагнул на борт. Теперь предложил забраться и мне. Какие основания мне соглашаться? Выгода – вот мои резоны. «Выгода» – название построенной Дадо лодки. Её переименовали, и теперь она должна была выйти в море в последний раз.

Почему бы и нет? Мы стремились к одной цели, смотрели в одну сторону. Чем не причина для последнего крестового похода?

– Поняла, – прошептала я.

– Отлично, – в голосе друга слышалась усталость.

Не знаю почему, но я сократила расстояние между нами и робко повела плечами. Дадо притянул меня к себе, обнял и прижал. Затем зарылся лицом в мои волосы. Ничего не оставалось, и я обхватила его руками.

Неожиданно объятья усилились, и Дод произнёс:

– Я знаю тебя всю свою жизнь, а так и не научился с тобой общаться. Прости.

– А я не научилась за этот же срок не обижаться на тебя. Ты тоже прости меня.

– Мне так его не хватает. Пусто. Привык, что ты и он всегда рядом. Три дня подряд ездил сюда – надеялся поговорить. Ходил кругами вокруг дома, но слов для разговора с тобой из себя так и не вытащил. Это Нон знал, что нужно сказать и в какое время – умный был. Я боялся, что дверь не откроешь. Хотел отыскать этого урода сам, чтобы лично вы-

шибить из него мозги. Злился на себя, что так и не поднялся к тебе, но понадеялся, что втягивать тебя в расследование не придётся. Ты отсидишься и перед Вещими отсвечивать не будешь. Потом, когда всё закончится, встретимся, и я тебе всё объясню.

«Отсидишься»!

Бесит! Дадо Речер меня бесит!

– Дело о маньяке передали в отдел, где служит мой однополчанин – перевели его недавно. Надеюсь, что будет доступ к документам. Не с делом проволочка. Им занимается другой отдел Комитета. Но я что-нибудь придумаю. Потом вдруг понял, что я неправильно поступаю в отношении тебя. Это наше с тобой задание, наша миссия. Только ты и я должны отыскать убийцу.

Дадо неожиданно выпрямился, но объятий не разорвал. Он смотрел мне в глаза болезненным, горящим взором, а я колебалась, не зная, что ответить и как поступить. Проблема состояла в произнесённых словах. Дадо признался, что собирался отомстить сам, и моё участие не рассматривалось. У него появилась вероятность получить материалы дела, но затем – всё рухнуло. Теперь Дадо искал новый потенциал. Я – его возможность. И ему ничего не оставалось, как постучать в дверь моей квартиры. Что ж, лодка под названием «Выгода» спущена на воду.

Внутренне собравшись, я отозвалась:

– Напоминаю: ты рискуешь карьерой, я – ничем.

– Да гори она!

Я улыбнулась, чтобы продемонстрировать другу детства хоть какую-то эмоцию, под которой можно скрыть недоверие. С другой стороны, какими бы напряжёнными и порой странными наши с Дадо отношения не были, но именно за его разудалость прощала всё. Он мог поставить жизнь и карьеру на карту, но выигрывал всегда, словно Судьба по-творствовала его резкости. Оставалось надеяться, что Рок и в этот раз обеспечит новому напарнику победу, а я буду рядом, чтобы посмотреть в глаза убийце.

– Зная твои способности уверен, что сведения по делу ты помнишь наизусть. Поделишься информацией? Надо ведь с чего-то начинать.

Так и знала! Дадо – открытая книга.

– Да. Расскажу. Пошли в бар.

Брови парня взметнулись на лоб, а в глазах появились озорные искорки:

– Надо мне было раньше прийти со своим предложением. Вот же я дурак!

Он как всегда всё не так понял, но это не имело никакого значения – на его «парва» позвонили. Вытащив устройство он перевёл его в голосовой режим, поднёс к уху и рывкнул:

– Речер у аппарата.

Последовало короткое, чеканное слово: «Да», а закончилась беседа: «Есть, прибыть на место».

Убрав «парва», Дадо схватил меня за обе руки и произнёс:

– Еду на службу. Потом поговорим. Выслушай меня внимательно и выполни то, что я попрошу – от этого зависит наше совместное расследование. Не сиди дома – трое суток достаточно для того, чтобы снова социализироваться. Если затанешь до семи суток, то тобой займутся Вещие. Всё что сделают с тобой там, ты знаешь.

Запрут в госпитале и будут пичкать таблетками – знаю, видела таких рыцарей. Их переводят на несложные работы и устраивают за ними постоянный контроль.

– Второе: не появляйся в местах обнаружения трупов по делу.

Ага! Ты сам-то веришь, что я поступлю так? Я всё продумала и сделаю так, что комар носа не подточит⁴

– Третье.

Речер поджал губы, словно размышляя называть мне очередную причину или воздержаться.

– Третье? – подначивала я.

Очевидно, что в силу характера, армейского опыта и личных представлений о работе в паре, Дадо решил, что именно он будет ведущим. Я не против – пусть так думает дальше.

Сердце сжалось от обвившей его, точно змея, тоски по Нону. В нашем тандеме роли распределялись по способностям, по внутренним ощущениям и были гармоничными, наполненными. В чём-то была сильнее я, в чём-то он – по справедливости, по высшему предназначению. У Дадо жизнь сло-

---

⁴ русская народная пословица

жилась иначе – он всегда на передовом крае, в бою, в резко очерченных рамках приказа и устава Ордена. Для него я – гражданское лицо, которое следует защищать и стоять на страже соблюдения законов.

М-да. Придётся нам приспособливаться друг к другу. Вернее – мне подстроиться под Дадо: ведь он, с его обширными связями, вполне может обзавестись необходимой информацией.

– Просочилась информация, что тебя озарило Предузнание.

– Я не помню его, – ответ получился поспешный и прозвучал истерично, болезненно.

– Тш-ш-ш. Да. Ты его не помнишь, и это нормально. Я, пока, не могу узнать его содержимое. Мне показалось странным, что тебя так быстро отпустили домой после того, как Эфир сказал твоими устами. Это может значить лишь одно: там содержалась грядущая информация, которая затронет Круг Семи и братьев. Информация конфиденциальная: у нас объявили повышенный уровень боеготовности и натравили спецслужбы – прикрепили к каждому отряду по человеку. У меня мало времени, но ты умная девочка и сама аккуратно поинтересуешься явлением. Тебе не сказали, что Предузнание повторяется, и ты можешь увидеть новое, например, во сне или банально вспомнить прежнее. Последнее – мало вероятно, потому тебя и отпустили домой. Но почему так скоро? – вот в чём вопрос. Помни об осторожно-

сти и не нарывайся. Если Предузнание снова посетит тебя, то сообщи мне его детали – второй раз обычно запоминается. Хорошо?

– Да, – выдавила я, вспоминая недавний сон с блондином и Гроссмейстером.

– Что-то не так? Ты что-то вспомнила?

В интуиции Дадо не откажешь, но придётся ему обломаться.

– Нет. Не вспомнила. Чувствую себя странно. И я согласна с тобой: почему так скоро меня отпустили? – вопрос.

– Мне пора. Помни, что я тебе сказал.

– Да.

– Вот и умница.

Мы распрощались тепло. Речер обняв меня, крепко прижал к себе, и я почувствовала, что ему нужны эти объятия не меньше чем мне. Хотелось правдивых эмоций: естественных, как в прошлом, когда нас было трое.

Я почувствовала, что Дадо скинул с себя груз потери на несколько секунд и превратился в прежнего друга. Подумать только, насколько сильно людей разделяет горе! Я заподозрила в парне врага: ошетибилась, одела панцирь недоверия. А на самом деле стоило все оковы сбросить и обнажить кровоточащие, ноющие от боли сердца. Дадо уйдёт, и я страхну с себя наш разговор, словно и не было его, и пойду своей дорогой, буду делать собственную игру. А сейчас...

Здесь и сейчас я хотела получить от Речер то, что запомню

навсегда: неподдельность и родство душ. Приятно на мгновение забыться, обрести себя, стать кем-то прежним, напитаться эмоциями прошлого. Почему мы только при расставании сделали так – проявили искренность?

Дад погладил меня по голове, как часто делал в детстве, и я зарылась ему в ложбинку между плечом и шеей. Тяжело вздохнула.

Весь предыдущий разговор я отгораживалась от парня, выставляя вперёд, словно щит, прежние обиды, скованность, недопонимание, чтобы остаться одной в терновом коконе свалившейся беды. Защита дала трещину, надломилась под напором выгоды и желания исполнить месть. Надо было сразу показать собственную боль, подавленность и тогда разговор с Речер был бы иным по содержанию. Я повела себя плохо – момент упущен.

Словно по сценарию плана, составленного кем-то прозорливым, из глаз потекли слёзы. Дад, немного отстранившись, посмотрел мне в лицо и ничего не говоря вытер их своим большим пальцем, размазав по коже щёк. Я посмотрела в его полные страдания глаза и прошептала:

– Уходи. Пора.

Речер кивнул, чмокнул меня в лоб, как делал всякий раз, как мы оставались одни, и молча дёрнул дверь на себя. Пара секунд и он скрылся в залитом светом коридоре – исчез, унося с собой половину моей душевной боли и тоски.

Нет – Дад не заменит Нона в моём сердце, в моей жизни,

но он тот, кто разделил со мной прошлое и настоящее, каким бы оно не было, и пойдёт со мной дорогой будущего. Каким оно станет для нас – загадка. Другой вопрос: насколько продолжительным оно окажется для меня.

Я перестала изображать из себя мученицу – созерцатель покинул меня – и резким движением руки вытерла мокрые дорожки на лице.

– Ты прав, Дадо. Я поняла, что мы с тобой перешли черту или рамки. Главным правилом новой жизни, фоном, миром стало недоверие. Я понимаю, что месть – игра, в которой необходимо оставаться, как можно дольше, потому следует соблюдать осторожность.

Захлопнув дверь, я прислонилась к ней спиной и пробежалась взглядом по комнате. Ничего не изменилось с момента прихода Дадо – всё на прежних местах: стол, кресла на тонкой ножке, интерактивная панель и пульт управления на стене, широкая кровать с тёплым одеялом и давящий, ломающий тени от объёмных предметов свет, бьющий по ним прицельно со всех сторон.

Изменилось лишь моё внутреннее состояние. Я чувствовала прилив бодрости, жажду свершений. Хотела утолить голод кровожадной Матери Мести, как поступали в древности при обрядах жертвоприношений, принеся на её алтарь всю себя. Всю свою жизнь.

Время слёз закончилось! Я выплакала последние на плече у Дадо.

Наскоро слепленный план, выглядевший в тумане отчуждения и горя нереальным, засверкал иными красками, получил импульс. Я не знала, каким будет моё расследование, но чётко осознавала, что на него у меня хватит времени. Предупреждение – крючок, на который пойманы Вещие. Уж я за него подёргаю!

Да, Речер прав в том, что я весьма прозорлива и потому знала к этому моменту, что Предупреждение не только повторяется, а у телепатов моего уровня ещё и пополняются во временном промежутке. Выглядит это так, будто песок тонкой струйкой высыпается из кулака, в котором зажата основная масса. Время высыпает песок знаний мелкими порциями, развеивая его по ветру мироздания. Считать его пока он сыплется могут не многие. Я могу. Потому на свободе и Орден принял логичное в такой ситуации решение – пристроил меня ближе к себе, окружив военными, но дав определённую независимость, чтобы не замыкалась и была открыта потоку знаний. Спасибо и на этом.

Я медленно отлепилась от двери и прошествовала в ванную комнату. Взгляд сразу натолкнулся на чёрный тонкий комбинезон, приготовленный для сегодняшней вылазки. Конечно, я бы предпочла иной костюм – более удобный. Например, брюки и чёрную футболку с длинными рукавами, а поверх – кожаную куртку. Но будем принимать сей наряд за вынужденную меру. Не то чтобы я не любила наряжаться, я ненавидела слишком броские, вызывающие присталь-

ное мужское внимание вещи.

Тяжело вздохнув, стянула с вешалки одежду и приступила к облачению. Следующими будут на очереди макияж и причёска.

Ладно, приступим. Главное на текущий вечер – не выделяться из общей массы.

До появления Речер я обмозговывала своё положение, и думала о количестве отпущенных мне на свободе дней. По скромным подсчётам получалось что-то вроде недели, а если очень повезёт, то суток десять. Действовать следовало решительно и быстро – время поджидает. Помнится, я открыла компьютер, вошла в поисковую систему и надолго задумалась: какой вопрос вписать в ленту. Эфир сам выдал мне подсказку в виде рекламного слогана о местах для проведения торжеств, в ближайшие три дня.

Как сейчас помню, что в голове, словно тумблер переключился, и я поняла, каким образом я смогу осмотреть место первого преступления – я пойду на праздник. Нелогично, конечно, но сделаю вид, что решила утопить горе на дне стакана и попала на праздник случайно, напилась и подцепила персону «Икс».

В первостепенную задачу входило отыскать того с кем проведу будущий вечер. Я не сомневалась, что справлюсь: ведь собиралась заявиться на пирушку заранее, затем отойти в туалет. Отсидевшись, разыгрывая из себя хмельную, я собиралась подойти к любому свободному мужчине. Спиртное

сделает своё дело – поможет мне в охмурении «жертвы».

Другое дело подстраховать себя перед вышибалами клуба, на случай если персона «Икс» сразу не отыщется. Это преодолимо – в сумочке лежало поддельное приглашение на имя Анны Анисиной и номер, проставленный на непредвиденный случай, в списке приглашённых гостей. Хакерские навыки никуда не денешь, а взломать сервер клуба, где состоится вечеринка, оказалось делом не настолько затруднительным. Куда сложнее замести следы – ведь Орден отслеживает мою переписку и социальную жизнь в Мировой интернет-сети.

Следующим этапом я планировала под любым предлогом вместе с временным «другом» – а он мне нужен позарез! – отправиться на прогулку к месту первого преступления и осмотреть местность более детально. Вернее – собиралась предложить «другу» снять номер на пару часов, а такие отели находились только в Вастумном районе. Конечно, я надеялась выкрутиться из щекотливой ситуации, и отчего-то была уверена, что так и будет. Где наша не пропадала!

Я посмотрела на своё отражение в зеркале и зло поджала губы.

На меня смотрела пустышка, коих полно в мегаполисе, ищущая приключений на свою ягодичную пару.

Блестящие волосы рыжей волной обнимали плечи и спускались до талии. Наложённый лёгкий макияж выделял на лице голубые глаза и пухлые губы. А скорбный, чёрный ком-

бинезон подчёркивал моё душевное состояние – это для тех, кто следит за мной.

Тяжело вздохнув, я подхватила сумочку и направилась выполнять пункты намеченного. И будь что будет!

Глава 4

Голова раскалывалась. Казалось, что у меня её позаимствовали и всю ночь использовали вместо футбольного мяча, а к утру вернули на место. Воображаю, как я теперь выглядела! Жуть!

Правильно, представлять только и оставалось, а продрать глаза и посмотреть своему отражению в лицо не решалась. По ощущениям не меньше пяти минут обреталась в ванной, набираясь духу, а воз и ныне там.

Безжизненный голос роботизированного «привратника ИМ-43» последней разработки, непонятно для чего купленный и установленный Ноном на дверь, объявил, что у меня гости. Код для входа знали только Нон и Дадо, а остальным приходилось иметь дело с охранной системой многоэтажки, и ждать моего ответа на вызов.

Гаджет надрывался, а я делала вид, что находилась в другой части Галактики и просто физически не могла открыть дверь. В каком-то смысле так и было.

Да что же за звук-то такой гадкий! И почему в комплекте заводских настроек собраны такие режущие ухо мелодии?

Думаю, это происки рекламщиков: не хочешь, чтобы пустоту квартиры разрывал писк, срежет или басистый рёв – купи приложение и скачивай понравившуюся мелодию. Мой «привратник» орал голосом голодного медведя. Признаться,

звучание очень реалистичное. К сожалению, это всё, что удалось подобрать приемлемого для моего уха в короткой ленте плей-листа новомодного устройства.

Вообще у меня с самого начала, как только электронная коробка с аппаратурой заняла место в нише стены, а панель – на двери, возникли вопросы к Нону по поводу покупки. У меня был установлен «привратник» от того же производителя только предыдущего поколения, и менять роботизированный аппарат спустя полгода, мне казалось сущей глупостью.

Нон настаивал, и что показалось дважды подозрительным, делал это в стилистике Речера, словно не собирался даже пропускать через себя сторонние доводы, а просто выдал их мне на-гора. Я посетовала, но сдалась. В душе я злилась на Речера за его паранойю – он проводил пространные беседы на счёт последних разработок каждый раз, как заявлялся к нам домой в увольнительную – вот и итог!

Проглотив раздражение, приняла заботу мужчин. Поблагодарила обоих, а потом закачала на сверхновый охранный гаджет настройки с прежнего устройства. На том история и закончилась бы, но три дня назад, я, вернувшись домой из катакомб Ордена, сама не ведая зачем, активировала «свежий» пакет настроек. Из прежних я оставила лишь код, который знал Додо. Теперь, для ответа на вызов приходилось подходить к двери и выполнять кучу бесполезных телодвижений – сама виновата, слишком впечатлительная.

Не пойду! Пусть весь мир рухнет, а я не двинусь с места.

«Медведь» снова заревел. Голова тут же отреагировала тупой болью, а душа – негодованием.

Кто ты, настойчивый господин?

Зло выругавшись, я распахнула веки. Мой взгляд скрестился с мутным взором девушки в зеркале. Отражение с помятым, бледным лицом и красными, припухшими губами сморщило носик. Я потёрла рукой кожу на лице, но краска к нему так и не вернулась. Пришлось щипать скулы, чтобы хоть немного стать похожей на человека, а не приведение.

Упражнялась я не долго, бросив затею на второй секунде, и сделала несколько приседаний, глубоко втягивая воздух носом под каждую новую «трель» медвежьего рёва.

Убью! Даже если кто-то что-то забыл в моём доме – убью. Неужели некоторым не понятно, что я не желаю открывать?

Противный звук, издаваемый «привратником» продолжал давить на ушные перепонки.

Я, ещё раз критично осмотрев девушку по ту сторону зеркала, повторно ужаснулась, с досады плюнула и заспешила к входной двери. Электронная панель, снабжённая соплом голографического воспроизведения, мерцала голубым светом. Я приложила большой палец подушечкой к специальному считывателю, и проекция запустилась, отображая стоящих у входа в дом людей. Их оказалось четверо, но в гости ко мне рвался только один.

Одетый в чёрную форму мужчина, смотрел в камеру из-

под надвинутого на лоб головного убора с узким козырьком. Руками он стискивал жёлтый небольшой пакет. Я махнула рукой, чтобы увеличить изображение посылки и программа тут же отреагировала, сделав письмоносца виртуальным великаном.

На гладком пластике «пакета» красовалась металлическая печать с орлом, расправившим крылья – символ Ордена.

Ну, конечно! Рыцарей я и ждала, чтоб им век не являться! Курьерская служба Ордена, добро пожаловать!

Тут же нажала на кнопку панели, ввела простенький трёхзначный код, и система многоэтажки, подхватив новые данные, среагировала открыванием прозрачной двери входной группы. Курьер продолжал находиться в поле зрения общей системы слежения дома, а домашняя панель демонстрировала каждое его движение с помощью голографической проекции.

Воображение нарисовало образ Дадо – довольный, улыбающийся. Да, как же ему не радоваться, если в очередной раз поборол моё свободолюбие и настоял на своём, а устройство теперь на весь дом ревело голосом медведя?

Наверное, уговаривая Нона на более совершенную модель «привратника» он предчувствовал перемены. М-да, в интуиции Дадо не откажешь, потому и непонятно, почему он не уберёт лучшего друга. Хотя, чутьё у Речер всегда срабатывало только в отношении меня.

Странно, но память подбросила ещё один эпизод: в дет-

стве Дадо дал Нону клятву, что будет оберегать меня, что бы это ему не стоило. Странная история, которой даже сейчас, спустя годы, я не могла подобрать объяснения.

В тот день была ненастная погода, и я отсиживалась в библиотеке интерната. Когда мне надоело читать скучные исторические фолианты, я отправилась на чердак, откуда открывался потрясающий вид на парк интерната Ордена и на горы. Приоткрыв дверь в помещение, неожиданно услышала разговор двух дорогих мне мальчишек. Было странно слышать, как они называли друг друга братьями и клялись в том, что будут защищать меня. С чего бы это? Правда, не скрою, такое казалось очень приятным тогда. Сейчас тоже приятно от воспоминаний.

Они оберегали меня, и так было всегда – такова данность моего прошлого.

Улыбнулась. В чём-то Речер был прав: гораздо интереснее наблюдать за работой системы распознавания лиц «свой-чужой», чем просто читать сухие фразы бегущей строки с панели о местонахождении гостя, как диктовала прежняя система.

Я наблюдала за трёхмерной проекцией мужчины, пересекающей небольшой холл. Затем курьер остановился возле лифтовых сот. Подождав пока подъедет кабина, проекция переступила её порог и что-то произнесла. Параллельно во втором узком окошке на панели схематично отобразились номера кабин, движущихся параллельно друг другу внутри

сотового блока лифтовой системы.

Слова, сказанные фигурой, появились на интерактивной ленте, встроенной в блок, и я прочитала информацию. Ничего странного в его фразе не содержалось: мужчина назвал номер моей квартиры. На требуемый этаж кабину привезёт компьютерная программа, как и укажет виртуальными стрелками путь в нужный коридор.

Затем голография замерла на некоторое время. Я видела, как руки проекции крепко прижимают пластик посылки к груди. Лифт тронулся.

Мне были видны размытые, словно удалённые на огромное расстояние, стены и табло с бегущей строкой. Ярким и детальным оставалось лишь лицо незнакомца в форменной одежде. Ничего примечательного в курьере не было. Круглой формы лицо, глаза карие, тёмные брови.

Неожиданно кабина дёрнулась, заставив мужчину слегка покачнуться, и остановилась на одном из этажей. Моё сердце пропустило удар и сжалось. Сотовая кабина рассчитана на подъём одного посетителя, потому довольно узкая, словно колба, и наличие второго пассажира не предвидится. А сейчас лифт среагировал на вызов другого человека и остановился.

Сбой в общедомовой системе? Похоже на то. Хм. Впервые происходит нечто подобное со дня заселения меня в многоэтажку.

Через пару секунд в поле зрения следящей общедомовой

системы и «привратника» оказались уже два человека. Увидев второго, я залилась густой краской: ведь именно он вышел из моей квартиры пятнадцать минут назад.

Почему он не доехал до первого уровня?

Ах, ну конечно – сбой в охранной системе дома!

Зажмурилась и в голове, словно распустившийся «цветок» салюта вспыхнули картинки прошедшей ночи. О, там было от чего краснеть! Я – преступница и каялась в этом! Я изменила Нону!

Но почему лифт подобрал его на другом этаже? И судя по фразам, отображающимся на домашней панели бегущей строкой, он собирался снова отправиться наверх.

Я живо представила, как любовник снова появится у дверей моей квартиры, и я тогда... Умру от стыда – вот что я сделаю!

Как же его звали? Э-э-э-э. Имя на букву «М», кажется. Точно, на «М», а ещё я автоматически взвесила его имя на палиндромность и отчего-то обрадовалась.

Ладно, что об этом. Курьер уже на этаже и вышел из лифта. Загадочный господин «М», похоже, остался ждать следующей кабины. Вероятно, он всё же вернётся – наверное, что-то забыл.

И тут меня осенило, что на голове бардак, а лицо – краше в гроб кладут. С физиономией сделать ничего не удалось, сколько бы не упражнялась перед зеркалом, а вот с волосами можно побороться за состояние схожее с опрятностью.

Запустила пятерню в непослушную гриву, и попыталась разодрать её пальцами. «Привратник» отреагировал на появление гостя вопросом на экране панели, и я согласилась на отпирание двери.

Раздался щелчок. Дуло пистолета упёрлось в мой лоб. Тепло отреагировало на опасность быстрее, чем мозг, заставив меня отскочить. Последовал выстрел. Я бросилась на пол, откатилась.

Пространство разорвал ещё один резкий звук выстрела. Незнакомец дёрнулся и ввалился в мою квартиру, упал и распластался на полу. Затих.

Я успела вскочить на ноги и выхватить пистолет из кармана пиджака, висевшего на вешалке. Подушечка пальца привычно легла на спусковой крючок, а встроенный в металл активатор, среагировал, считав дактилоскопический рисунок.

Неожиданно в дверях возник мужчина в рыцарском плаще с открытым лицом поверх военной формы с лычками Комитета собственной безопасности. Он поднял руки, показывая мне дезактивированный пистолет, мотнул головой, видя направленное на него дуло моего оружия.

– Не нужно, – голос мужчины строгий, холодный. – Опустите пистолет.

– Какого хрена происходит?

– Опустите оружие.

– Не-а?

Сейчас не до церемоний, к тому же пистолет, из которого

меня собирали пристрелить, валялся у моих ног. Не спуская глаз с незнакомца в плаще, я подобрала «ствол» и сунула себе за пояс джинсов.

– Хорошо. Я на мушке. Теперь могу осмотреть труп?

– Свою пушку положи на пол и пни мне, – вежливо попросила я, активируя скорострельный режим на своём пистолете.

Я всматривалась в узкое, скуластое лицо мужчины из «Комитета», в его синие глаза, обрамлённые короткими белёсыми ресницами, и думала о недавнем сне, в котором некий Гроссмейстер сообщал код электронного замка шлюза. Помнится, за преградой открывался вид на город посреди чужой планеты. На поток воспоминаний меня навело количество цифр на металлических воротниковых лычках формы, надетой на спасителя, и прикрытой плащом. Одна из них содержала цифру «сорок пять», другая – «одиннадцать».

Мужчина медленно положил своё оружие на пол и отправил в мою сторону лёгким толчком ноги.

– Валяй, осматривай. И не обессудь, что под дулом.

Он присел, ощупал одежду трупа и что-то вытащил из нагрудного кармана убитого.

Затем, подобрав жёлтый пакет с печатью, незнакомец в плаще выпрямился:

– Это событие было описано в вашем Предузнании, Анна.

– В моём Предузнании?

Собрат по Ордону согнул руку, обнажив надетое на за-

пятье наручное «парва» и нажал кнопку вызова. Кого или что он вызывал я рассмотреть на узком, маленьком экране устройства не успела. Возможно, команда была введена в электронную память заранее, и теперь мужчина лишь активировал её.

Голографическая панель «привратника» ожила, отобразив новый вызов. Теперь господин «М», стоя на крыльце и ждал ответа. Я заблокировала дверь, введя трёхзначный код. В коридоре возникли охранники многоэтажки. Один из них взял на прицел незнакомца в плаще, а другой приблизился к двери, но замер на расстоянии шага.

– С вами всё в порядке, Анна? – обратился охранник ко мне.

– Не совсем, – ответила я, мотнув головой в сторону трупа. – Мужик убить меня хотел, а вот этот – спас.

– Предъявите документы, господин. Полиция вызвана, и инцидент будет расследован.

Спасший меня незнакомец достал из нагрудного кармана маленькую пластиковую бирку со встроенным в неё чипом, и протянул её охраннику.

Повернувшись ко мне, произнёс:

– Анна, в Предузнании вы сообщили, что на вас готовится покушение. Убийца находится под гипнозом. Вы сообщили день, час и минуту когда произойдёт покушение, но вы ничего не сказали о том, что человеком, напавшим на вас, будет посылный Ордена. Через неделю вам придётся пройти

дополнительную процедуру на воспоминание Предузнания.

Брови против воли взлетели вверх, собрав складки на моём лбу, а взор переместился на охранника, проверяющего бирку на ручном специальном устройстве. Когда приспособление в его руках издало характерный звук, то и его брови поползли на лоб, а взгляд упёрся в меня.

– Лейтенант, – не сводя с меня глаз, бросил коллега. – Введите код, что появился на вашем аппарате и считайте, что ваши обязанности полностью исполнены, – обратился спаситель к охраннику.

Тот кивнул, но его брови сошлись на переносице, образовав длинную, толстую морщину. Спустя короткое время, он отрапортовал:

– Данные по инциденту будут переданы в Орден по зашифрованной линии до полудня.

И ушёл, оставив меня наедине с трупом и братом по Ордену.

В этот момент «привратник» снова ожил, отображая прибывшие автопаны полиции и Ордена. Но сейчас зарождающаяся суматоха меня интересовала мало. Куда больше цепляли слова сотрудника Комитета по собственной безопасности: «Через неделю вам придётся пройти дополнительную процедуру по воспоминанию Предузнания».

Что за бред? Даже если не обманул спаситель, и Предузнание свершилось, то смысл его вспоминать просто отпал. Или Вещие решили, что я смогла скрыть от них детали ради лич-

ной корысти? Как такое возможно – ума не приложу!

Впрочем...

В фолиантах написано, что Предузнание возможно посмотреть, оставить его внутри подсознания, а затем подкорректировать. Но я точно знаю, что ничего подобного не делала, зато сие объясняет интерес Комитета к моей персоне и желание ввести в транс, подключившись к моему подсознанию. Или существовал какой-то иной повод ввода меня в гипнотический сон?

Добиться гипнотической корректировки для рыцарей Ордена крайне сложно – требуется серьёзный повод. После прохождения процедуры меня спишут в утиль, или иными словами – в отходы производства для следующей переквалификации. И никакие неординарные способности не защитят меня от этого.

Подобного допустить никак нельзя. Комитет – не последняя инстанция, а лишь подразделение, выполняющее конкретную задачу. Спаситель решил посеять в моей душе смятение и трепет, чтобы не слишком юлила, а выдала всё что знала – любые намерения. Иначе говоря: он пытался меня расколоть.

Но как-то кустарно, грубо, словно он торопился или был ограничен во времени.

Потрясающе: Дадо предупреждал меня о последствиях – они наступили. В силу личных переживаний я смотрел на происходящее, как на полусон – полуявь, в котором обре-

талась. Затуманенное бедой подсознание выдавало заученные инструкции, а опыт – подавал знаки поступать более осторожно. Но горе тушило любой разумный довод, любое желание сыграть на опережение. За меня подумал Дадо – спасибо ему за это.

Я очнулась, собралась и готова к свершениям. Грош-цена моему плану, если я не просто приму решение оставаться в игре насколько возможно продолжительное время, а выполню его.

Пока игрок из меня никудышный: чуть не завалила всё дело на первых же шагах в «сюрреализме убийцы». Пора избавлять от миссии дуала, а переходить на соло.

М-да. Впервые оказалась в настолько щепетильной ситуации: шла буквально по острию ножа. Но у меня была страховочная лента в виде Дадо и его рапорта. Что не говори, а в уме Речер не откажешь. Его прямолинейность – маска для окружения, под которой скрывался настоящий хищник, умеющий извлекать выгоду из всего, даже из воздуха.

Дадо знал или с кем-то посоветовался о предстоящих проблемах, потому сработал на опережение, укрепив мои позиции и нанеся другой службе Ордена удар. Счёт теперь: один ноль в мою пользу. Вернее – в пользу Дадо. Мой отлёт на Межзвёздную станцию «Синяя звезда» неминуем – а это выход из тупика, в который меня загоняли. Всё, что требовалось: хорошо показать себя в рейдах. Тогда рапорт Комитета о введении меня в гипнотический транс будет похоро-

нен Вещими старшего ранга навсегда.

Так тому и быть.

Стоп! А кому нужно мне вставлять палки в колёса?

Среди братьев Ордена, как и его структур, велась извечная война, и буквально все находились на фронте. Борьба шла за всё, включая личные привилегии. И, увы, как не прискорбно это признавать, именно из-за внутренней конкуренции теперь Орден – могущественная структура, обрётшая суверенитет, возможность применить свои знания о будущем в настоящем с потенциалом контролировать всех и вся в политической жизни колонизированных планет и на Земле.

Мало ли кого решил обыграть Дадо или притормозить активную деятельность!

Комната заполнилась людьми, среди которых особенно выделялись двое: спаситель и мужчина средних лет в форменной одежде, на которой красовалась эмблема Межзвёздной станции. Я точно знала, что раз сопровождающий появился – значит, у него оформлен рапорт на отправку меня к месту новой службы. Всё произошло вовремя, и я едва сдерживала улыбку.

Спустя пятьдесят минут я вышла из автоплана, и под бдительным взглядом сопровождающего меня Вещего низшего ранга, прошествовала к трапу «Парадиза». Мне всего-то и оставалось, что сесть в капсулу и дожидаться старта. «Парадиз» разгонит её по кругу до необходимых показателей. Да-

лее, самонаводящийся «хобот», в который капсула поступит на последнем обороте, выплюнет её в стратосферу. Последует переключение на полёт, и маломощная капсула полетит в направлении моего следующего дома по бескрайнему космосу. Затем гравитация «Синей звезды» подхватит борт и произведёт стыковку.

Пройдя процедуру контроля, мы с Вещим уселись в кресла, пристегнулись крест-накрест. Судя по данным всплывающим на экранах, доставка на «Синюю звезду» пройдёт в течение получаса.

Хорошо. Будет время подумать о грядущем и пораскинуть мозгами. Если бы не пульсирующая боль у основания черепа и вынужденный полёт, мир бы заиграл иными красками. Я наслаждалась бы счастьем избавления от трудностей.

Прибуду на Межзвёздную станцию и плотно займусь проверкой и стыковкой фактов по делу. Ещё пару дней назад стало понятно, что информация на электронном носителе из нашего с Ноном тайника и протоколами, запомненными мной наизусть, разнилась.

Одним словом – всё к лучшему! На станции я смогу проверить некоторые данные. Потому-то Дадо и подал рапорт о моей службе на станции. Ему было важно, чтобы я имела доступ к пси-капсулам: ведь через них я могла раздобыть больше информации. И словно сама Удача решила восстановить справедливость: я летела туда, где в больших блоках сохранились архивы всех записей с видеокамер и других ви-

део устройств за двадцать пять лет – таков срок хранения по закону.

Зашумели моторы стартового стола, разгоняющего капсулу. На бортовой панели начался отсчёт секунд до начала вращения. С появившейся на дисплее цифрой семь запустилось вращение. Искусственный разум синхронизировал обороты совершаемые капсулой вокруг её оси с оборотами разгонного механизма. Я не чувствовала изменений или какого-то давления – вполне комфортная обстановка.

Я бросила взгляд на Вещего низшего ранга. Его лицо с грубыми чертами сохраняло невозмутимость. Невольно вспомнился Дад с его прилепленной на любой случай улыбкой. Впервые за столько лет, мне показалось удивительным, что друг, с его внешностью, достиг такого успеха в карьере. Военные должны быть такими, как сидящий рядом со мной человек: холодными, некрасивыми, невозмутимыми.

Закрывает глаза. Мир вокруг перестал существовать.

Глава 5

Где я? Что это за место?

Широкая терраса, ограниченная с двух сторон глухими перегородками. Пол, выложенный квадратной, крупной плиткой, напоминал шахматную доску. Высокие кованые перила доходили мне до груди.

Я же сейчас внутри системы «Парадиза»! У меня начались галлюцинации?

Ещё раз огляделась: терраса, пол, перила, два зависших в небе светила – ничего не поменялось. Теперь я точно осознавала, что находилась не в разгоняющемся по осям «Парадиза» механизме, а на другой планете, гравитация которой равна притяжению Земли. Или некто хотел, чтобы мне так казалось.

Точно! Я в гипнотической Матрице, созданной кем-то весьма недурно и детально. Стена здания была отделана материалом тёмно-графитового цвета. В его глянце умирали блики заката, превращаясь в грязные разводы. Но меня это почти не трогало, не задевало, не пугало: ведь нет окон, дверей. Даже намёка на люк или лаз. Зато тёплый ветер, ласкал лицо.

Ха! Значит, в созерцаемом иллюзорном мире знойная пора – лето, а его я обожаю. Кому-то важно было создать нечто, наполненное, а что может быть более цельным, чем прожи-

тый день? Ты его помнишь весь – от и до. Часть его сотрётся из памяти спустя время, и чёткость восприятия изменится: перестанет быть такой пограничной, – а значит, реалистичной. Потому я понимала, что меня пригласили в Матрицу сего дня.

Само воспоминание о жаре и солнце всегда расслабляло меня. Но отпускать ситуацию не следовало, а наоборот – надлежало быстрее прийти в себя и начать рассуждать здраво: я не в тисках Морфея – я в Матрице! – энергетической ткани, изначально создаваемой гипнотизёром. Или телепатом? Её легко распознать по вязкости одних чувств и яркости других.

М-да. Как же меня угораздило влезть в чужое Модо, если всё же человек телепат?

Я наслаждалась ветром, играющим с моими волосами, остывающим к ночи воздухом, стараясь успокоиться.

Точно: скорее, гипнотизёр, нежели телепат – чувствуются искусственно расставленные акценты или, говоря языком братьев по Ордену, признаки. Наука вообще считала, что архитектура иллюзий ничем не отличалась от обычной архитектуры, потому назвала явление «реперные точки Модо».

Правда их не много, что делает текущую Матрицу естественной, словно бы я сама создала её и старалась установить с кем-то связь. Гипнотизёр намеренно выделял любимые мной ощущения жирной, навязчивой манерой, словно проводя по пси-полотну широкой кистью, а страх или ощу-

щение скованности из-за невозможности выбраться сглаживал, делал ничтожно малыми.

Хитрый ход и очень опасный.

Опасный, потому что ясно: позвавший меня в сотканное энергетическое полотно человек, хорошо знал меня, понимал, с кем имеет дело, и у него был список ощущений – признаков, которыми следует воспользоваться, чтобы я откликнулась на призыв. Я повелась и попала в сети.

Ха! По смысловой нагрузке, окружающее меня пространство энергетической ткани похоже на дуальное Модо. Ну, или на крайний случай, одну Монаду – неделимую частицу бытия. Вот только вопрос: с кем я должна буду её разделить?

Всё дело в том, что телепаты, уравновешенные дуальными способностями создают матричное полотно и наделяют его особым энерго-кодом или ключом.

Ментальное Модо дуалов – два Монада проникшие друг в друга – две единицы бытия, ставшие одним целым и неделимым. Ключ хранился до самой смерти телепатов в строжайшей тайне – это защита Ордена, защита рыцарей. Энерго-код включал в себя истинное имя рыцаря, данное ему при рождении его родителями. Его никто кроме Круга Семи не имел права знать, – а значит, и вмешиваться в производство Модо.

С самого основания Орден забирал одарённых младенцев у родителей, пока те ещё не умели говорить и нарекали иначе. Получалось два имени: первое означало личность и судь-

бу и шло от рождения, а второе, даваемое Вещими – было для общества.

Имя – это жребий. Имя – характер. Имя – возможности человека.

Для общества я Анна Анисина – единственный ребёнок, кто помнил своё первое имя. Оно стало моей тайной, открывающейся, лезущей наружу каждый раз, когда я засыпала. Оно стало навязчивым кошмаром, в котором некая женщина звала меня, а я убегала сквозь высокую траву и хохотала во всё горло. Мой голос двоился, перекатывался, отдавался эхом от окружающего пространства и возвращается ко мне.

Бр-р-р-р! Ненавижу высокую траву – готова рвать её руками, выгрызать зубами. Каждый кустик, травинку, стебелёк!

Много лет назад, попав в интернат, проливая слёзы в спальне, я невольно создала Матрицу, на которую отреагировала аура Нона. Когда он отозвался и пришёл в спальню, чтобы успокоить меня, мы непроизвольно закрепили дуальное Модо, существовавшее до того момента между нами, но неоформленное, не заряженное. Спустя годы мы стали по-настоящему близки с Ноном, но я не говорила ему, как меня зовут на самом деле. Он не просил, лишь успокаивал, когда я просыпалась среди ночи, в поту и тихо выла, запихав в рот угол одеяла.

Между гипнотизёрами и телепатами-дуалами была существенная разница. Телепатия всегда происходила внутри закрытого, очень личного пространства, в которое имел про-

пуск только один.

Гипнотизёры растягивали иллюзорное пространство между реперными точками, стараясь укрепить полотно дополнительными, порой придуманными, подробностями. Но что может быть подробнее эмоций? Вот гипнотизёры, создавая Матрицу, наделяли её множеством энергетических связей, соотнося их со свободными ключевыми акцентами – ощущениями. Заменяя элементы энергетической связки, гипнотизёр всегда воздействовал на личность через чувства.

Например, любовь к сладкому магистр менял на тошнотворное чувство или неприятное послевкусие и всё – человек обновлён, усовершенствован, приближен к идеалу, продуктивен. Новый код магистр обязан отправлять в специальный корректировочный архив.

Во время рейдов, я, пользуясь поддержкой Нона, часть своих пси-потоков перезаряжала, вставляя в них ощущения, знакомые каждому, кто родился и вырос: первый выпавший зуб, первое падение, первое ощущение полёта, когда тебя подкидывают и ловят, а тебе смешно. В Ордене подобное называли «рабочими простейшими маркерами».

Воздействуя на злоумышленника телепатически, я помещала его пси-выплески в «кусочек» нашей с Ноном Матрицы. Затем переформатировала наш «кусочек» в гипнотическую новую Матрицу, а Нон транслировал, навязывая иные ощущения преступнику, подавляя его волю, запутывая, сби-

вая с толку первичную программу его энерго-потоков.

Потому мне странно, что кто-то проворачивал нечто подобное со мной, пользуясь технологиями Ордена. Ветер, что играл моими волосами – маркер гипнотизёра, рассчитанный на меня. Он боялся добавить новые акценты в матричное полотно – переборщить, потому навязывал минимальную картину, созданную его воображением – ту, что он видел сегодня.

Чтобы проверить ощущения, коснулась прутьев ладонью – жёсткие, прохладные, как и положено быть металлическим изделиям. Очень реальные. Выходит, что воздействовавший на меня магистр видел такие перила каждый день, трогал их, знал, каковы они на ощупь в жару или стужу.

Мне показалось этого мало, потому погладила широкую перекладину ограждения, пощупала рельефные завитушки в виде листиков и сердечек на ней. Всё реальнее некуда – прозаично, компактно. На своих местах.

Из глубины памяти вырвались слова наставника, который учил нас с Ноном. Это был Вещий в традиционном плаще с натянутым на лицо капюшоном. Он сказал однажды: «Изучите противника, если попали в его Матрицу, отыщите его маркеры и перекодируйте их в собственные признаки, расставьте их заново. Или привнеси новые признаки. Так проще будет поместить разум воздействующего на вас магистра в состояние «кокона».

Осталось дело за малым: воплотить рецепт в жизнь.

П-образные многоэтажки, которыми застроен город, смотрелись воротами в иной, лучший мир. Горизонтальные «перекладки», созданные из продольных террас, горели множеством огней, создавая праздничное настроение. Под ними, точно самодельная гирлянда, протянулась очередь из многочисленных летающих аппаратов.

Я смотрела вдаль и не могла сообразить, что делать дальше: других признаков, кроме террасы обнаружить не удалось. Была сбита с толку. Всё на что меня хватало: тарашиться по сторонам, разглядывая урбанистический пейзаж на фоне полыхающего неба.

А мир гудел, простирался до самых гор, расцветенный множеством красок заката. Среди пуха пёстрых облаков проступали диски разновеликих спутников планеты. Светило раскрасило их в разные оттенки красного и оттого казалось, что пространство, раскинувшееся предо мной – новогодняя открытка, где ёлочные шары стилизованы под глядящие с небес космические тела.

Проносающийся мимо механизм, походящий на рыбу без хвоста, с округлыми боками и вытянутой передней частью завис в воздухе напротив меня. Он помигал тремя лампочками, встроенными в борт, взмыл выше и растворился. Кажется, это и был второй признак. Только вот чем его заменить?

Крепко вцепившись в ограждение, я посмотрела вверх и вниз. Оказалось, что терраса, на которой очутилась и застряла – нижний этаж пятиуровневой надстройки, соеди-

няющей два здания. Прямо под перекрытием располагалась светофорная конструкция, для летающих механизмов и крылатых платформ.

Зажегся зелёный глазок семафора. Словно из котелка фокусника, из-под пола террасы устремились в нескончаемом потоке незнакомые мне летающие механизмы. Большая часть из них походила на платформы со стеклянным куполом, с установленными внутри креслами для людей.

– Это Рам. Впечатляет, правда?

Я резко обернулась. Теперь в монолитной стене тускло светился широкий дверной проём, а возле него привалившись к стене, стоял молодой человек, которого я видела в недавнем сне.

Спрыгнула с решётки ограждения. Тело сковал страх – слишком мало акцентов я собрала. Горло сдавило, будто чья-то невидимая рука стиснула на нём пальцы. Просто жизненно необходимо подумать о чём-нибудь нейтральном, прийти в себя. Опомниться, наконец!

Думаю, каким-то образом стена отодвинулась, открыв застеклённое пространство, но я этого не услышала из-за гула, пролетающих машин. Предполагать, что есть ещё и окна сложно, но кто знает – может они существуют. И если уж говорить о любви к урбанизации, то бессмысленно делать дополнительные дыры, ослабляя и без того весьма сложную конструкцию, находящуюся под максимальным воздействием атмосферных осадков и воздушных потоков.

Эка меня понесло! Расслабилась, называется! Здравьете, приехали!

– Я вижу, что ты улыбаешься. Да, согласен: название странное.

Чужое место, странный город, планета, а я о красоте города и космических объектов размышляю – ну, не дура ли! Как идиотка вы были безупречны, Анна Анисина. Мало мне сегодня досталось? Если бы не слепая удача и не Предузнание, то хоронили бы меня с почестями, как подающего надежды телепата, очень верного Ордену рыцаря знающего своё дело. Так и вижу, как говорят перед кремацией замечательные слова в мой адрес, а затем...

Бр-р-р-р! Не о том думаю! Не о том! Меня выбил из колеи незнакомец, а вернее – его неожиданное появление. Я тут, понимаешь ли, о высоких материях думала, в глубины познаний ныряла, а парень вышел и просто начал экскурсию по планете.

У-у-у-у! Бесит! Меня всё бесит, включая мою собственную личность и нездоровую реакцию. Я что закричать не могла? Нет – куда там! Я улыбнулась, видите ли – у нас осмотр достопримечательностей и оценка видов из окна. Тьфу! Осталось только спросить: дорого ли обошлась покупка квартиры и поцокать языком на любой ответ, который даст незнакомец.

Идиотка дважды! Трижды! Четырежды! Пора начать помогать госпоже Удаче, а не испытывать её на прочность.

Стоп! Я призналась, что я не просто идиотка, а непревзойдённая, неисправимая супер идиотка! Давно мне часто говорил о том, что собственные эмоции необходимо держать под контролем и пропускать события не через сердце, а через голову. Я много раз обижалась на Речера за его назидания, но ни разу не думала, что они написаны кровью и могут спасти мою жизнь.

– Планета Рам, – продолжил незнакомец-блондин, переплетя руки на груди. – В переводе с мёртвого языка, кажется с латыни, означает «баран». Около столетия назад она стала принадлежать Ордену целиком и полностью.

На вид ему не больше двадцати пяти – мой ровесник. Миндалевидные, крупные глаза. Их цвет серый и такой чистый, без примесей иных оттенков, что кажется ненатуральным. Широкий подбородок, уравновешивал верхнюю часть лица с выступающими скулами. Светлые волосы. А ресницы и брови – русые. Хорошо сложен.

Мама! Что происходит? К чему весь этот ликбез? А-а-а-а! Домой! Отправьте меня домой!

Я была ошарашена, не знала что делать, что говорить. И стоило ли вступать в беседу? Но это касалось исключительно эмоциональной части моей натуры, другая же, отвечающая за инстинкты – давно похоронила меня и спела гимн Ордена при водружении погребального камня. Мысли, точно мотыльки порхали в голове, но ни одна не была чёткой, главной, решающей. Я сбита с толку – это требовалось при-

знать. Что делать дальше – никто подсказать не мог.

Пока я рассматривала незнакомца, он продолжал болтать, сыпля неизвестными фактами:

– Мегполис назвали Анна, что в переводе с греческого языка, ставшим мёртвым кучу веков назад, означает Благодать. Но у самой древней цивилизации шумеров, Ан – верховный Бог. Так что в названии нашего города есть Бог и зеркало Бога. Иначе: единица и единица. Тебя тоже зовут Анна и таковы имена всех, кто родился под сенью Ордена. Имя – палиндром, так ведь? Орден загоняется по таким штукам – всё должно быть зеркально.

Тоже мне опрокинул на меня ушат знаний. Эх, парень, убедительно прошу, не топчите мой мозг – он не для того цветёт!

Наши взгляды скрестились. Я заметила на дне его глаз злость, отторжение. А ещё – подавленность, словно он не по своей воле вошёл в гипнотическую Матрицу.

Я прислушалась к себе. Мы с Болтуном установили чёткую связь, и мне казалось, что доминирующая роль была у меня. Впрочем, изначально Матрица походила на мной построенную, и потому следовало опасаться обманчивости моего положения.

Расслабилась. Прислушалась к окружающим террасу пространству. Я удивилась, когда обнаружила, что одним из акцентов, которые я разыскивала, оказался сам Болтун. Я настроилась на него. Теперь остро почувствовала пульсацию

города через восприятие незнакомца, ощущала наполненность энергией, тепло, исходящее от молодого человека, слышала биение его сердца.

Его и моё дыхание синхронизировались – его чувства стали доступны мне. Они хлынули тягучим потоком поверх моих собственных ощущений. Захотелось защититься, отгородиться, плюнуть и уйти, послав всё происходящее куда подальше. Но это были не мои желания, а стоящего напротив парня.

Привыкла я к Нону, который входил в Ментальный круг и в, образованное нами дуальное Модо, эмоционально нулевым – так проще работать. Блондин же производил впечатление оголённого нерва.

Неожиданно пришло успокоение, коего в моей душе не наблюдалось... Эм-м-м. Никогда. Я вдруг чётко ощутила себя одинокой, никому ненужной и потому свободной. Мне стало наплевать на Орден, мнение рыцарей и послушников. Была только я – независимая, самодостаточная единица Вселенной – Монада, и он – незнакомец, болтающий чепуху, подчинённый моей воле.

Так кто ты такой, незнакомец? Почему я здесь?

Стоп! Я поняла! Расследуя дело вместе с Ноном, мы не обратили внимания на самый главный аспект: жертвы маньяка оказывались там, куда он их приведёт, установив с ними связь. Почему мы решили, что потерпевшим требовалась кратковременная встреча? Что если допустить возможность

постоянного пси-контакта?

Гипнотизёры не станут убирать признаки из Матрицы: ведь в том и состоит воздействие на личность и перекодировка. Чем шире иллюзорный мир, чем больше он походит на настоящий, тем проще управлять личностью, находящейся под воздействием. А что если убийца, замкнул на себе людей? Долго обрабатывал их? Мы так и не успели обозначить момент изменения сознания каждой из трёх жертв маньяка. Сеансов гипноза могло быть гораздо больше, и лишь последний стал закрепляющим и корректирующим сознание.

Игры разума – не иначе! Такое убийство можно назвать идеальным. Запишем в версии.

Мужчина улыбнулся широкой, светлой улыбкой и на правой щеке появилась небольшая ямочка.

Хм. В самообладании ему не откажешь! Молоток! А вот тремор исходящих от него чувств сродни моему, и это начинало слегка бесить. Представляю, каково было Нону работать в Модо со мной!

Голова закружилась. Я непроизвольно сделала шаг вперёд, а собеседник даже не поменял позы.

Неожиданно налетевший ветер ударил меня по щеке. Волосы, заплетённые в некрепкую косу, растрепались и поддались воле нового порыва. Ещё мгновение и я смогла услышать запах города – терпкий и колючий. Так происходило каждый раз, когда я становилась частью Нона, а наши ауры синхронизировались, формируясь в единое целое. Я видела

и чувствовала то же, что и напарник и сейчас я вместе с белобрысым незнакомцем замерла в ожидании кого-то или чего-то.

– Руслан Таурус.

Он представился?

Мою душу захватил смерч – иначе объяснить состояние не получится. Все внутренности закрутило в спираль, кости стали тяжёлыми, а тело – неуправляемым. Такое происходило со мной единственный раз: в тот день, пройдя специальный обряд, мы стали с Ноном дуалами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.